

18+

ОЛЬГА ЛОРЕНС

ПРИЮТ КАЗАНОВЫ

Ольга Лоренс

Приют Казановы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71195617

ISBN 9785006467569

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Новоиспеченный москвич Александр Привольский полон сил и надежд. Позади выпускные экзамены, впереди юрфак МГУ и прекрасная неизведанная Москва. Он не ищет женского внимания, а живет воспоминанием об утраченной детской любви. Первые красавицы столицы тянутся к нему – зрелому не по годам, обаятельному красавцу. И только искусственной, жаждущей любовного приключения светской львице Марго удастся почти без труда заполучить такой редкий экземпляр. Одно ей недоступно – сердце Саши, ее дорогого Алекса.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
1	7
2	17
3	27
4	33
5	37
6	48
7	65
8	71
9	78
10	85
11	89
12	91
13	95
14	104
15	107
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Приют Казановы

Ольга Лоренс

*Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о мое сердце!
И бояться не надо, о сердце мое.*

О. Хайям

Корректор Анна Абрамова

Дизайнер обложки Соня Мироедова

© Ольга Лоренс, 2024

© Соня Мироедова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0064-6756-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Она ему понравилась с первого взгляда. А разве могло быть иначе? Нежная, милая, тоненькая как стебелек, к тому же очень спокойная и бесконечно добрая. Не было в ней ни вредности, ни надменности, а внутреннего света и тепла было столько, что рядом с ней становилось несказанно уютно.

Он долгое время присматривался к ней, наконец отважился и признался в любви. С улыбкой, согревшей его совсем как мамина, она протянула ему яблоко из собственного сада, тем самым ответив взаимностью. С этого времени он почувствовал себя самым счастливым человеком на земле. Они много времени проводили вместе – гуляли, читали, придумывали разные игры, строили планы на будущее. Завистники часто кричали им вслед: «Тили-тили-тесто, жених и невеста!» Они краснели, смущались, но в душе были довольны и необыкновенно счастливы.

И вдруг все рухнуло в один миг. Она уехала. Вот так взяла, бросила его и умчалась в свою Австралию – к крокодилам, кенгуру, попугаям какаду. Конечно, это было решением ее родителей. А как она могла возразить? Вряд ли мнение одиннадцатилетней девочки учитывалось бы при подобных обстоятельствах. После ее отъезда он испытал неведомую до этого душевную боль и страшную обиду, осознав, как

нелепо и страшно привязываться к кому-либо, как глупо доверять и надеяться; все это рано или поздно заканчивается разочарованием.

И еще тогда, в детстве, решил, что никогда он больше никого не полюбит и не захочет никакой дурацкой любви! Никогда!

Часть первая

1

Он рос очень красивым мальчиком. Его нежным чертам не хватало пока мужественности, и это его не на шутку раздражало. А когда слышал, что кто-то из девчонок называл его красавчиком или, того пуще, «смазливеньким», приходил в бешенство и еле сдерживался, чтобы не наговорить в ответ гадостей. Ведь настоящий мужчина в таких комплиментах не нуждается. В том, что с годами он станет настоящим мужчиной, как отец, сомнений у него не было. Ведь они были так похожи – отец и сын! По крайней мере внешне точно.

Его назвали Александром в честь прадеда, дворянина по происхождению, морского офицера, прожившего недолго, но честно и достойно. На самом деле Саше повезло со всеми родственниками, особенно с родителями. Отец был высокого роста, видный, статный и очень уверенный в себе, настоящий глава семейства – серьезный, умный, ответственный. Мама – спокойная, рассудительная и очень заботливая. Для всех это была образцово-показательная семья, где не было места ссорам и разногласиям, непониманию и обидам, не было ничего, кроме согласия, взаимоуважения и любви.

Иногда Саше казалось, не будь он так похож на отца, мама его меньше любила бы, не уделяла бы ему столько времени, не вкладывала бы в него душу, казалось очень долго, и только повзрослев, он понял, что это была ничем не обоснованная детская ревность.

С ним никогда не было проблем. Учился всегда хорошо. Начитанный и не по годам серьезный, Саша производил приятное впечатление. Взрослые всегда хвалили его и ставили в пример своим отпрыскам. Но ребятам, своим ровесникам, он казался хитрым и странным: они не понимали, о чем он молчит и что недоговаривает. Сразу чувствовалось его превосходство и в манере держаться, и в разговорах, и в сдержанности в спорах, и в том, как умело он уходит от конфликтов. Но трусом Саня не был, хотя и смелостью не бравировал. В нем присутствовали врожденное здравомыслие и умение отличить главное от второстепенного, важное от сиюминутного, надуманного и глупого. Он всегда был в хорошей спортивной форме, бегал по утрам, занимался в секции карате и много времени посвящал физическому и духовному развитию, тем самым раздражая многих ребят. Но открыто враждовать с ним побаивались и старались не связываться.

В том возрасте, когда начал ломаться голос, внутри у него тоже что-то изменилось. Неожиданно Саша почувствовал, что в жизни есть много больше того, что замечал ранее. Он стал обращать внимание на девочек, а сами девочки из кожи вон лезли, чтобы обратить на себя его внимание. Строи-

ли глазки, провоцировали, бегали за ним, спорили на него и даже дрались между собой, забывая, что они хрупкие, нежные создания и красит их именно это, а не глупые споры или разборки, похожие на бои без правил. Таким поведением они лишь отталкивали его, вызывая скептическую, презрительную усмешку. Правда, в глубине души ему льстило повышенное внимание. Поддавшись игривому настроению и соблазну, он иногда целовался, щипал за упругие попки, тискал девичьи груди, но дальше идти себе не позволял, хотя некоторые быстро и отчаянно повзрослевшие девчонки были готовы к продолжению.

Девяностые пришлись на его школьные годы. По разговорам в семье, к которым Саня стал чаще прислушиваться, он понял, что в стране царит полная неразбериха: все меняется и куда-то катится. Спокойствие, похоже, покинуло их дом навсегда.

К ним, как и прежде, продолжали приходиться гости, чему Саня всегда был рад. Нравилось ему наблюдать за взрослыми и слушать их беседы. Теперь разговоры стали иными. Взрослые много спорили, возмущались и бесконечно дискутировали. Мужчины вновь и вновь устраивали полемику: передел собственности, перепланировка экономики, перепроизводство товаров, перестройка – одни сплошные «пере» всего и вся, что было создано и называлось «СССР». И пока было непонятно, к чему все это приведет и чем закончится. Когда дебаты любимых мужей доходили до пика, женщины из го-

стиной удалялись в уютную кухню и обсуждали свои приземленные, чисто житейские проблемы. Саня, как правило, предпочитал оставаться в мужской компании, чему София Михайловна часто противилась. Дмитрий Борисович оставивал супругу, с уверенностью полагая, что присутствие сына при серьезных мужских разговорах пойдет ему только на пользу. К тому же не все произносилось вслух и звучало однозначно.

– Димочка, он же еще ребенок! – возмущалась София Михайловна. – Зачем ему забивать голову ненужной информацией? Пусть лучше книгу почитает или мяч погоняет во дворе с ребятами. А то наслушается всего, во что не следует вникать ребенку, да напридумывает такого, о чем лучше не думать, не стоит ему во все это углубляться.

– Да уж. Вот оно, чисто женское мнение! Не думать, не роптать, зарыться в песок и ждать у моря погоды. А впрочем, и не женское это дело – углубляться. Тем более в такое. Но хочу тебе напомнить, дорогая, что у нас сын. И из него я точно не хочу растить страуса или, того хуже, барана. Правильные понятия, заложенные с детства, только на пользу пойдут, и вот они-то как раз уберегут парня от необдуманных поступков. Мужской стержень и здравомыслие – вот на что будет опираться наш сын во взрослой и самостоятельной жизни. Так что не переживай, дорогая. Все будет хорошо! Просто доверься мне, – отвечал Дмитрий Борисович, подкрепляя слова снисходительной улыбкой.

– Ой, не знаю, милый, не знаю. Время тревожное – разброд и шатание. Все рассыпается, ломается, в том числе и люди, – не унималась Софья Михайловна и, схватив мужа за руку, прижимала ее к своей груди, словно надеясь, что он услышит, в каком бешеном ритме бьется ее сердце, и поймет, как сильно она переживает.

– Ничего, Сонечка, прорвемся, Саньку нашего не так просто сломать. – Продолжая успокаивать, мужчина нежно обнимал супругу, зная наверняка, что его объятия успокаивают ее лучше и быстрее всех доводов. – И потом я не я буду, если позволю сыну оступиться, – решительно добавлял он.

В беседах по поводу воспитания сына Дмитрий Борисович был убедителен и бескомпромиссен, но при этом всегда сохранял спокойствие. В чувстве такта ему тоже нельзя было отказать. При всей снисходительности он питал к своей спутнице жизни нежные чувства. Софья Михайловна, всегда глядя на мужа снизу вверх, не смела настаивать на своем и практически всегда уступала.

Саша благоговел перед отцом, маму любил, но, переняв от отца снисходительную манеру, общался с ней так же, стараясь не обижать. Периодически Дмитрий Борисович заводил разговоры о переезде в столицу. Саню очень радовали планы отца на ближайшее будущее, в отличие от мамы, которая находила множество аргументов, чтобы не покидать родной город. Надежды Сони, что все как-нибудь устроится без переезда, не оправдались. Главой семьи было принято

окончательное и бесповоротное решение переехать в Москву, как только сын окончит школу. Все проблемы, связанные с переездом и обустройством на новом месте, Дмитрий Борисович взвалил на себя, отстранив супругу от всякой помощи.

Вскоре Дмитрию Борисовичу Привольскому, известному адвокату не только в своем родном городе, но и за его пределами, несмотря на трудности, все же удалось купить квартиру и открыть собственную адвокатскую контору в столице. Он подсознательно пользовался принципом, на который всю жизнь опирался его собственный отец, – мужчиной надо быть, а не просто слыть по причине своего рождения. Осуществив все задуманное, Дмитрий Борисович в который раз доказывал своими действиями, что он и есть тот самый мужчина, на которого можно положиться в любой ситуации. Хотя его жене давно не требовалось никаких доказательств, она и так была уверена, что у нее идеальный во всех отношениях муж. Тем не менее предстоящий переезд женщину страшил и вводил в уныние. Как бы она ни старалась справиться со своим состоянием, в душе царил непомерная тоска.

Последний год перед выпуском пролетел так быстро, как не пролетал до этого ни один. Дорога длиной в одиннадцать школьных лет казалась бесконечно долгой, и, с честью пройдя ее, Саша очень изменился – вырос, окреп, возмужал и выглядел взрослее своего возраста. Да что там он, изменились все! Девчонки, вечно ноющие по пустякам, плетущие заго-

воры и интриги, ближе к окончанию школы превратились в очаровательных грациозных леди – спокойных, элегантных и немного манерных. А те самые задиры и драчуны, мальчишки, решающие все споры на кулаках, лезшие из кожи вон в доказательство своей взрослости, немного притихли, вытянулись и стали походить на горделивых джентльменов, да смотреть на одноклассниц так, словно видели их впервые.

На выпускном вечере Саша вместе с аттестатом зрелости получил золотую медаль, несколько похвальных грамот и добрые напутственные слова от учителей. После торжественной части начался выпускной бал. Сане не очень хотелось гулять всю ночь, как планировали одноклассники, и, при первой возможности покинув школу, он раньше других отправился домой.

С замиранием сердца Саша ждал переезда. Вещей в квартире оставалось уже совсем мало: все необходимое было собрано в контейнер, отправленный в Москву. От этого родной дом, впитавший атмосферу долгих лет счастливой и размеренной жизни, стал казаться унылым, опустевшим и уже немного чужим.

Накануне отъезда Саня случайно услышал разговор, показавшийся ему до боли пугающим. Его вдруг пронзило ощущение, что недолго продлятся спокойствие и их семейная идиллия: что-то непременно изменится, и перемены будут глобальными. Иногда он неосознанно мог что-то предугадывать, что понять заранее казалось невозможным. Порой эти

ощущения были странными, словно продиктованные кем-то, но Саша воспринимал их спокойно, как факт, не сильно беспокоящий и вовсе не мешающий ему жить. Сейчас он стоял и слушал, пытаясь прогнать нехорошее предчувствие.

– Соня! Ну что с тобой? – слышался раздраженный голос отца. – Ты прости, родная, с таким скорбным выражением лица только на эшафот идут. Не могу я тебя понять никак! И не хочу! – отец говорил громко, заметно нервничая. – Можно подумать, мы уезжаем черт знает куда. Я все делаю для вас, чтобы вы жили достойно! А ты? Эх! Мне что, это все одному надо? Подумай хоть о сыне! Он поступит в университет, непременно поступит! После занятий будет возвращаться домой, а не в студенческую общагу, куда возвращался я – по необходимости, а не из-за большого желания. Да об этом многие только мечтают! Разве я неправ?

– Все хорошо, милый, – наконец Саша услышал и мамин голос с плаксивыми нотками. – Ты только не волнуйся и не сердись на меня! Просто такое ощущение, что жизнь раскалывается надвое. Здесь все родное, знакомое, привычное: наши родители, друзья, каштановые аллеи, дожди, солнце, морской прибой. Неужели ты меня не понимаешь, Дима? И потом в Москве столько соблазнов, я за сына переживаю!

– Сонечка, я все прекрасно понимаю! Но пойми и ты: жизнь не стоит на месте. Надо двигаться вперед. Неужели ты не видишь, в Москве совершенно другие перспективы – и у меня, и у Сашки. А что касается родителей, друзей

и каштановых аллей, так мы не на Северный полюс уезжаем, а в Москву! Каких-то два часа лету, и мы снова здесь. Ну а если говорить про соблазны, так их везде хватает. Но каждому свое и своя мера ответственности за все.

София Михайловна, казалось, не слышала мужа:

– Ну что там, в этой твоей Москве, я буду делать? Мне уже одиноко и холодно, Димка! – Саша не мог видеть, как поежилась его мать. – Но я справлюсь с собой, обещаю тебе! Ты же знаешь, главное для меня, чтобы у вас с Санечкой все было хорошо.

Саше надоело стоять под дверью и подслушивать. Он решил прервать этот затянувшийся и, как ему показалось, еще и опасный диалог. Он решительно открыл дверь и вошел в комнату в тот момент, когда у родителей, похоже, иссякли все аргументы для убеждения друг друга. В воздухе повисла пауза, напоминающая затишье перед бурей. Мама, увидев его, сразу отвернулась, пытаясь скрыть слезы. Но больше всего Саню поразили взгляд отца – холодный, чужой и разочарованный.

Во всем, что сейчас происходило, было столько неуютного, непонятного, неправильного, что сковывало все мысли и навевало дурное предчувствие. Но тогда трудно было предугадать, как может измениться их жизнь. Разразится ли буря. Чему придет конец. Какое будет начало. Саше до боли не хотелось сейчас верить, что вскоре все в их жизни будет делиться на до и после. Хотя, с другой стороны, стоит ли

задумываться о том, что будет. Кому-кому, а не ему точно. Лично он был настроен на все лучшее и связывал это с переездом в столицу. Саша был уверен в том, что у него все сложится хорошо и быть по-другому не может.

2

Самолет, выполняющей рейс «Калининград – Москва», шел на посадку. Командир воздушного судна, пожелав всем удачи, любезно проинформировал пассажиров о погоде в столице. На выходе Саша поймал на себе заинтересованный взгляд стюардессы. Увидел ее кокетливую и, как ему показалось, призывную улыбку, улыбнулся в ответ, отметив, что сейчас ему хорошо и спокойно, ничего не давит изнутри, и нет места привычному скепсису.

Семья Привольских, получив свой багаж, двинулась с перегруженными тележками к выходу из здания аэропорта. Бесцеремонные таксисты, перекрикивая друг друга, предлагали свои услуги. Дмитрий Борисович выбрал наиболее приятного и менее назойливого. С трудом разместив в багажнике чемоданы и баулы, часть из которых пришлось втискивать в салон старенькой «Волги», они двинулись в путь.

Саню охватил восторг. В Москве он бывал и раньше, как, впрочем, и в других городах, но приезжать на экскурсию – это одно, а жить, тем более в столице, – совсем другое. На протяжении всего пути, не отрываясь, он смотрел в окно, пытаясь впитать и запомнить новые ощущения, сознавая, что некоторые эмоции можно испытать лишь однажды. Проезжая мимо легендарной сталинской высотки, Саня за-

мер от восторга, еще с трудом принимая факт, что теперь и он является жителем столицы.

Всю дорогу Дмитрий Борисович что-то рассказывал и показывал, активно жестикулируя, смеялся. София Михайловна, искусственно улыбаясь, кивала в ответ, отвечала, изо всех сил пытаясь соответствовать общему настрою. Саня все это подмечал, но, наслаждаясь собственными ощущениями, думал о своем. Мысли были разные: и светлые, и правильные, и те, от которых шли мурашки по коже, – до конца не оформленные, томные, волнующие.

Ему сразу понравился многоэтажный кирпичный дом, возле которого остановилась машина. Благоустроенный зеленый двор, просторный холл в подъезде, вместительный грузовой лифт, быстро поднявший их на нужный этаж, и вот они уже в собственной квартире, еще хранящей запахи свежего ремонта. Саша быстро пробежался по всем комнатам. Большая обставленная добротной мебелью квартира пришлась ему по душе, и возникло ощущение, что он жил здесь всегда и другого дома у него не было. Закончив беглый осмотр, он плюхнулся на огромный кожаный диван в гостиной, вальяжно раскинул руки на высокой спинке и, широко улыбаясь, произнес:

– Лепота!

– Ты, новосел, давай-ка совсем не расслабляйся, надо еще все разобрать, – довольный реакцией сына, заметил Дмитрий Борисович, распределяя чемоданы, – помоги матери, а я

пока в магазин за продуктами сгоняю. Война войной, а обед по расписанию. Ладно, мои дорогие, разбирайтесь тут потихоньку. Я скоро.

Пока София Михайловна с торжественным трепетом знакомилась с новым жилищем, медленно перемещаясь из комнаты в комнату, коих в доме имелось три, не считая совсем небольшой, оборудованной под кабинет, и заглядывала во все шкафчики, машинально вытирая ладошкой появившуюся на полках пыль, Саня направился в свою, на которую ему сразу указал отец.

Его комната была просторной, светлой и выглядела солидно: рабочий стол с надстройкой, на столе новенький компьютер, удобное рабочее кресло, открытый высокий многофункциональный стеллаж, диван-кровать в обивке под замшу, низкая тумба, на ней лампа с регулируемым светом, встроенная гардеробная с зеркалом внутри, современные гравюры на стенах, выкрашенных в спокойный светло-серый цвет; несмотря на придирчивость натуры, его все устраивало. Наконец Саня подошел к большому окну и распахнул его. Вид завораживал. Все, что он сейчас видел, слышал, было для него новым, манящим, а самое главное, настраивало на что-то подспудное из тайных желаний, пусть даже не совсем осознанных пока. Он и у отца, несмотря на усталость, видел нечто схожее – невероятное возбуждение и нацеленность на новую, интересную, активную жизнь.

Позже, когда вся семья сидела на кухне за большим обе-

денным столом, Соня не удержалась от вопроса:

– Димочка, в голове не укладывается! Как тебе это удалось, да так быстро еще? Неужели все сам? Какая чудесная квартира, и ремонт, и мебель. Возможно ли такое? Не прошло, как говорится, и года. Просто поразительно! – в словах Софии Михайловны, казалось бы, восторженных, появились те неприятные нотки грусти и душевного замешательства, которые уже раздражали не только мужа, но и сына.

Дмитрий Борисович сделал вид, что не замечает противоречивых эмоций супруги: вроде и рада она, кажется счастливой или только вид делает, и тут же ее настроение ползет вниз. Он пытался оправдать эту тревогу, хорошо зная консервативную натуру жены и ее нелюбовь к переменам. Сделав акцент на вопросе, который ранее ее почему-то не сильно беспокоил, он надеялся, что со временем все наладится и супруга непременно примет новые обстоятельства, о чем тут же заявил, стараясь сохранить спокойствие:

– Сонечка, на войне как на войне! За лучшую жизнь надо бороться, дорогая, и принимать ее без страха и упрека. А мужик тем более обязан всегда быть бойцом. Ну а что касается твоего вопроса, то если бы я все делал сам, давно бы уже рухнул и наш переезд вряд ли бы состоялся. Хотя для тебя это было бы... – Дмитрий Борисович, не закончив фразу, рассмеялся.

Соня улыбнулась, заправила в пучок выбившуюся прядь, покраснела и опустила глаза. В моменты отчаяния у нее бы-

ла привычка вытаскивать из пучка две-три шпильки и тут же возвращать их на место. Сегодня Соня остановилась на собственной неловкости без присущего ей отчаяния.

– Но, слава богу, – продолжил Дмитрий Борисович, – в Москве появились конторы с толковыми дизайнерами. Их, главное, направить в нужное русло, составить проект, утвердить смету, и пойдет дело как по маслу, главное, на шарлатанов не нарваться, их расплодилось сейчас тьма тьмушая. Помнишь, Сонечка, я тебе говорил, что Володьку Савельева здесь встретил? Очень он мне помог. Да-а-а, – призадумавшись о чем-то, нараспев произнес Дмитрий, – вот как ни крути, а настоящая дружба не ржавеет. Можно годами не видеться, а встретившись, кажется, что не расставались вовсе.

– Конечно, помню! – с улыбкой ответила Соня. – Володеньку в принципе невозможно забыть. Мне всегда нравились мужчины содержательные и наполненные. А Володенька, несмотря на свою постоянную веселость и напускное легкомыслие, именно такой – глубокий, интересный, со своей историей. Вы с ним в чем-то похожи, поэтому и дружите всю жизнь, и никакие расстояния вас не разлучают. И что он, Володя, все такой же? Так и не женился?

– Такой, да другой! Женился! Представляешь? И вообще, теперь он ого-го – воротила! По всей Москве строит и дальше рвется. К себе звал. Так что, как говорится, будем теперь дружить семьями. Но главное, Сонечка, что у нас все получилось. Теперь только жить и радоваться! Ты согласна, до-

рогая? – с нежностью глядя супруге в глаза, Дмитрий взял ее руку, подержал, несильно сжимая, словно хотел приободрить, медленно поднес к губам, поцеловал и поспешно произнес: – Ну все, спасибо за ужин, я отдыхать. Завтра будет насыщенный день.

Соня, оставшись на кухне в одиночестве, некоторое время сидела неподвижно, задумчиво рассматривая свою тарелку с едой, к которой она едва притронулась, и пыталась проникнуться настроением своих любимых мужчин; получилось немного, но с трудом. Непокойно было в душе, непонятно. «Видно, мне просто нужно чуть больше времени, чтобы освоиться здесь, – размышляла она, – и, как сказал Димочка, будем жить и радоваться!»

Лето! Было тепло и комфортно, еще без изнуряющей жары. Впереди экзамены. Саша не сомневался, что поступит в университет, как-никак он добросовестно готовился еще дома, тем не менее волновался. Нервничали и родители. Еще раз садиться и зубрить не было больше ни сил, ни желания. Ведь, как говорил отец, любитель пословиц и поговорок, перед смертью не надышишься. А вот подышать хоть и достаточно загазованным воздухом московских улиц, не спеша побродить по ним, чтобы сильнее прочувствовать жизнь огромного мегаполиса, казалось Саше наиболее подходящим сейчас.

Просыпался он обычно рано: так привык. В воспомина-

ниях о детстве, о Калининграде, где они жили в большом кирпичном доме, спроектированном архитектором-немцем, осталось много чего, что в то время сильно раздражало и обижало до слез, а сейчас вызывало улыбку. Отец, едва проснувшись, кричал на весь дом, не заходя к нему в детскую, призывая его проснуться:

– Сынок, подъем! Нас ждут дела великие. Но нельзя браться за дела без хорошей разминки. Санька! Подъем! Подъем!

И он просыпался, хныкал, затыкал уши, чтоб не слышать похожий на боевой клич громкий голос родителя, который раздражал в то время больше будильника. Понимая, что спорить с отцом бесполезно, вставал и, крихтя да что-то бубня себе под нос, присоединялся к отцу, и уже вместе с ним делал зарядку. Спускаясь по лестнице на первый этаж, слышал, как мама выговаривала отцу, стараясь защитить сыночка:

– Димочка, ну пусть ребенок хоть в выходной день поспит подольше! Пожалей ты его. Вот тебе нейметя.

– Поспит? А с какой стати? Он что, перетрутился или от этого умней да здоровей станет? Он лентяем станет и сонней! Нам и одной Сони хватает, – отец начинал громко смеяться, не забывая обнять и прижать к себе мать-защитницу.

– Соня, говоришь?! Так ваша Соня раньше вас встает и завтрак вам готовит! Всем бы таких сонь, – отвечала мама без всякой обиды, но все же с небольшим, хотя и шуточным укором.

Много времени прошло с той поры, но Саша усвоил и принял в свою жизнь множество уроков, которые ему преподавал отец. Вот и здесь и сейчас, привыкший к устоявшемуся распорядку дня, он начинал каждое утро с хорошей разминки дома, затем отправлялся на пробежку, невзирая на непогоду. Это стало для него незыблемым правилом, которое он нарушал крайне редко.

Обычно, пробежавшись в парке неподалеку, возвращался домой, отправлялся в душ, затем плотно завтракал и покидал дом практически на весь день. Ему хотелось увидеть и узнать Москву по-новому, установить с ней личный контакт и чувствовать город так, как могут только коренные жители. С того возраста, когда начал анализировать и размышлять, ему нравилось разгадывать ребусы, в том числе связанные с историей. Вот и сейчас в первую очередь его интересовала Москва, хранящая тайны прошлого, порой мистические, пугающие, ушедшие в небытие. В конце концов ему хотелось взглянуть на град столичный так, как видели его Гиляровский, Пушкин, любимый им Михаил Булгаков.

Хотя и другая Москва – современная, кипучая, спешащая измениться, чтобы следующим поколениям не было стыдно за период застоя, Москва, что спотыкалась и ошибалась, где-то ненароком, а где-то умышленно, Москва с вычурными витринами, небоскребами, офисными центрами, модными вывесками и нахлынувшими в русский язык англицизмами, эта Москва привлекала его не меньше.

Прежде чем отправиться в дорогу, Саша заранее продумывал маршрут и, возвращаясь под вечер, с каждым разом все больше сближался с городом, в котором ему предстоит жить, учиться и устраивать будущее.

Деньги всегда были, поэтому он никогда не забывал перекусить, иногда на ходу, отдавая предпочтение небольшим кафешкам на открытых верандах, и, воспользовавшись передышкой, с особым удовольствием наблюдал за людьми, оказавшимися в поле его зрения. Он уже почти без ошибки мог отличить автохтонов от гостей столицы, в том числе иностранцев, которые бесконечно улыбались и подходили с вопросами, смешно комкая русские слова. Саша легко общался, переходя на английский или немецкий в зависимости от ситуации. Сами москвичи были немного высокомерны – уверенно держались, были сдержанны, при этом резки и торопливы. Одеты были стильно, а некоторые девушки вызывающе откровенно, но держались надменно и холодно. Иногородняя публика была проще и более открытой, хотя за этой открытостью ощущались их неуверенность и растерянность.

Саша постоянно ловил на себе взгляды женщин – и молоденьких девиц, и дам старше его. Сам держался безупречно и органично вписывался в московскую среду. То, как он подавал себя, играло ему на руку, неволью защищая от своих же глубоко запрятанных комплексов.

В свои семнадцать Саша оставался девственником, что было большой редкостью среди его ровесников. Судя по кра-

сочным рассказам ребят, с которыми он общался в Калининграде, ему впору было почувствовать себя чуть ли не музейным экспонатом, динозавром. Саша старался меньше анализировать и вытаскивать из себя первопричину этого неприятия, до конца не понимая, откуда у него взялась брезгливость, а может, даже и боязнь близкого контакта. В глубине души он завидовал, что кто-то раньше его познал вкус секса, но сам тем не менее не торопился, хотя последнее время часто думал об этом. Полагаясь на интуицию, Саша был уверен, что, встретив ту самую, особенную, которая сможет одним только взглядом разжечь в нем костер чувств и желаний, не упустит своего шанса.

3

Наконец первый из рубежей был взят. Александр Привольский стал студентом юридического факультета Московского университета. Родители были счастливы и радовались так, что, казалось, их эмоции превосходят его собственные. Сам он был спокоен и доволен собой. София Михайловна обзвонила всех, кого только могла, испытав при этом дополнительную порцию и радости, и гордости, и счастья. Поделившись приятной новостью с родными и друзьями, оставшимися в родном городе, Соня почувствовала легкую грусть от того, что теперь только по телефону может насладиться общением, чтобы хоть мысленно на время оказаться там, куда так рвалась душа.

Этим же вечером состоялся праздничный ужин, с любовью приготовленный счастливой матерью. Но основное празднование со всеми подарками и приятными сюрпризами было решено приурочить ко дню рождения Сани и пригласить в гости друга семьи Владимира Савельева с супругой. В глубине души Саша завидовал отцу, что у того есть такой надежный и верный друг. Сам же решил ни с кем не сблизиться; в душе до сих пор оставалось послевкусие предательства. Свою избранницу Саша считал настоящим другом, а она даже письма не прислала. Как забыть это, вычеркнуть из памяти, удалить? Зачем был ему этот урок?

И все-таки его радовала новая жизнь – Москва, поступление в универ, а впереди еще столько всего, что поневоле душа замирает.

Для одной только Сони время остановилось и словно стало работать против нее. По крайней мере ей так казалось. Самовнушением она тщетно пыталась подавить в себе тревогу. Как бы она ни радовалась успехам мужа и сына, ощущение потери себя самой во всей этой бурной жизненной суете все больше навевало тоску и уныние.

В день своего совершеннолетия, 11 августа, Саша позволил себе поспать подольше. Этой ночью он внезапно проснулся от какого-то непонятного толчка. Сердце бешено стучало, а эрекция была настолько сильной, что с этим надо было что-то делать. Справившись с возбуждением доступным способом, он немного успокоился, но опять возникло непонятное предчувствие, которое еще долго не давало уснуть.

Поздним утром, как только открыл глаза, Саша почувствовал дурманящий запах еды. В комнату тихо вошла мама с подносом, на котором стояла чашка горячего чая, а на тарелке из дорогого немецкого фарфорового сервиза, привезенного из Калининграда, лежали свежееиспеченные пироги. Дмитрий Борисович всегда противился такой чрезмерной угодливости жены по отношению к сыну, считая это баловством. Но супруга, достаточно сговорчивая по другим вопросам, здесь оставалась непреклонна.

Поставив поднос на тумбочку, Соня присела на краешек кровати своего чада, наклонилась, поцеловала трижды и с нежностью, которая дарована только матери, любящей своего ребенка до умопомрачения, ласково произнесла:

– С днем рождения, мой золотой! Мое солнышко! Какое счастье, что ты у меня есть! Ты у меня такой...

– Мамуль, спасибо, – Саня бесцеремонно прервал тираду матери. – Прошу тебя, хватит со мной сюсюкаться как с маленьким! Я уже давно вырос.

Он что-то еще хотел сказать, но, увидев, как вмиг потускнели мамины глаза, остановился и уже с привычно снисходительной улыбкой добавил:

– Ты у меня лучшая на всем белом свете! Спасибо тебе за все!

Сказанные им слова прозвучали честно и убедительно, несмотря на небольшое внутреннее раздражение.

– Ты не сердись на меня, сыночек. Ну такая я у вас, сентиментальная. Но для меня ты всегда останешься ребенком, сколько б ни было тебе лет. И я всегда буду переживать за тебя и больше всех радоваться твоим успехам. Так устроена любая женщина! Ну ладно, не буду тебя смущать, – произнесла София Михайловна, глубоко вздохнула, и ее рука потянулась к пучку. Убедившись, что он в целости и сохранности, Соня направилась к выходу.

Саша проводил мать задумчивым взглядом и поймал себя на мысли, что такой мамой, как у него, стоит гордиться.

Невысокая, стройная, миловидная, с красивыми добрыми глазами, заботливая, понимающая... Им с отцом повезло. Наверное, о такой жене и матери только мечтать можно. Саша знал, что мама практически весь день проведет на кухне, чтобы к вечеру был готов царский ужин, на котором, уже точно известно, будет не только семья. С самого детства Саша привык, что в их доме часто бывало многолюдно. В такие моменты всегда становилось необыкновенно празднично, хоть немного шумно и суетливо. Он не мог нарадоваться, что и в Москве их размеренный семейный уклад будет разбавлен визитами новых людей, делающих жизнь интересней. А мама, как всегда, будет хлопотать и суетиться, что-то подносить, уносить, мыть тарелки и опять ставить их на стол, до последнего сохраняя осанку и радушное выражение лица. Стоило подумать об этом, ему стало нестерпимо обидно за мать. Противная и неприятная жалость к ней осколком царапнула где-то в районе солнечного сплетения. Он чертыхнулся вслух и решил, что сегодня должен непременно чем-то порадовать родительницу. В отличие от отца, он еще никогда не дарил ей цветы и ясно представил реакцию матери на букет от него.

Саша решил сходить за цветами, а затем, быстро вернувшись, вместо своего обычного пассивного ожидания застолья помочь маме во всем, к чему она его допустит. Последнее время он стал замечать, как она порой устает от домашних дел. Обычно после семейного завтрака мама отправлялась

на рынок, где покупала парное мясо, овощи, фрукты, зелень, заносила тяжелые сумки в дом и сразу отправлялась за другими продуктами. Иногда, как правило, в выходные, которые на свое усмотрение брал отец, родители на машине, купленной уже в Москве, вместе отправлялись по хозяйственным делам. Тогда под вечер мама не выглядела такой уставшей.

В их новой квартире, как и прежде, были идеальный порядок, вкусная еда, все было постирано и поглажено. Саша уже начал сомневаться, что у мамы хоть когда-то что-то поменяется в укладе, а если и случатся перемены – те, о которых говорил отец, ее они коснутся не напрямую, а лишь косвенно.

Он решил поспешить. Надел белоснежную футболку, выгодно подчеркивающую его мужественные формы, джинсы, идеально облегающие стройные бедра, новые кроссовки и уже на ходу пшикнул на себя любимым одеколоном. Темные порядком отросшие и слегка выющиеся волосы сегодня зачесал назад и уложил гелем. Соня, увидев сына, не смогла удержаться от хвалебных комментариев:

– Боже! Ну прямо красавец! Какой же ты у меня уже взрослый! Интересно, какой девушке достанется такой молодец? Ты только не торопись, сыночек, очень прошу тебя. Выбирай по уму, а потом по сердцу.

– Мам, да ладно тебе, – смущаясь и краснея на глазах, ответил Саня. И добавил: – А что касается девушки, я уверен, понравиться мне может только та, которая будет похожа

на тебя. Ведь ты – лучшая и самая красивая! Все, не скучай. Я ненадолго.

Уходя, он чмокнул мать в щеку, отметив про себя, как важно не забывать делать ей комплименты, от которых она сразу расцветает.

Покидая дом, Саша даже на секунду не мог представить, что планам на сегодня не суждено сбыться. Что все пойдет не так. И все теперь станет иначе.

Миллениум. Произошла не только смена столетия. В стране шли глобальные перемены. Под лозунгом начавшейся ранее перестройки постепенно ломались стереотипы. Уже давно были закрыты и тут же проданы многие предприятия, процветала коммерция, породившая рэкет и вспышку бандитизма. Резкие перемены, связанные со сменой политического строя и приведшие к глубочайшему экономическому кризису, коснулись каждой семьи. Кто-то быстро поднялся и чувствовал себя уверенно, кто-то пытался всеми силами выжить, а некоторые пали, не в силах противостоять новой системе ценностей. В условиях гласности народ стал раскрепощенным и политизированным.

В коммерческом павильоне недалеко от дома Саша купил цветы. Букет выглядел нежно и празднично. Довольный, чувствуя себя совсем взрослым, он соблазнился на пачку Marlboro, купленную в табачном ларьке. Раньше он даже мысли не допускал о курении, но сегодня позволил. Как-никак он стал взрослым – совершеннолетним. Саня тут же, у табачного ларька, распечатал пачку, прикурил, закашлялся и выбросил невыкуренную сигарету прямо на асфальт. Он со злостью скомкал всю пачку и вместе с зажигалкой швырнул в ближайшую урну. Потом поднял свою сигарету

с асфальта и отправил вслед за зажигалкой. Поймав на себе восхищенный взгляд продавщицы, улыбнулся ей, несмотря на легкое головокружение и отвратительный привкус табака. Пришлось купить все в том же ларьке маленькую бутылку воды без газа и жевательную резинку, чтобы нейтрализовать горькое сигаретное послевкусие.

Он уже подходил к дому, как неожиданно потемнело небо и первые капли дождя вылились из неведомо откуда появившейся тяжелой тучи. Саня бережно поправил цветочную упаковку и вдруг обратил внимание на небольшую толпу, окружившую автомобиль, похоже, безнадежно застрявший во дворе его дома. «Неужели бандитская разборка среди бела дня? С ума сойти! Беспредел!» Приглядевшись, он понял, что никаких бандитов нет, зато местные жители были чем-то крайне возмущены.

Это были еще полные сил и энергии бабушки, обычно чинно сидевшие на лавочках и занимавшиеся привычным делом – перемалыванием косточек взрослым деткам и жалобами на пошатнувшееся здоровье. Когда эта тема надоедала, они переходили к более серьезным обсуждениям. Вспоминали Горбачева с его перестройкой и демократией, Ельцина с его политикой, приведшей к дефолту, повышению цен и безработице. Нового президента боялись обсуждать, но тем не менее именно на Путина они возлагали свои надежды и чаяния. К таким беседам периодически подключались вышедшие на прогулку и постоянно что-то затевающие

втайне от своих половинок brave дедки. И уже в развернутых политических баталиях непременно вспоминался Сталин, его порядок и жесткость. Споры, как правило, заканчивались руганью. Ни о каком плюрализме речи быть не могло; каждый мнил себя экспертом, понимающим, куда надо дальше двигаться, и знающим наверняка, что и как нужно делать, напрочь забыв о том, что совсем недавно сидели тихо, едва позволив себе, и то, только на собственных кухнях, рассуждать на подобные темы.

В возмущенном сборище граждан Саша увидел и молодых мамочек, обычно увлеченно обменивающихся на детской площадке сплетнями или советами по воспитанию детей.

Когда Саня периодически выходил поупражняться на турнике, он произвольно подслушивал, поражаясь тому, что порой слышал. Соседи его уже признали и даже полюбили. Он всегда был предупредительно вежлив с ними, помогал нести нагруженные продуктами сумки, завозил в подъезд детские коляски и всегда, придерживая дверь, пропускал женщин вперед. Часто, услышав похвалу: «Ну какой же парень воспитанный. Повезло его родителям!», – удивлялся, не думая, что делает что-то особенное, так как считал свое поведение нормальным.

Дождь усиливался, но никто не спешил расходиться по домам. Гневные возгласы и возмущения только нарастали. Обычно Саша проходил мимо и не ввязывался ни в какие

митинги, как правило, привлекающие к себе внимание жаждущих зрелищ зевак. Но сейчас что-то заставило его протиснуться в толпу, скорее интуиция, чем любопытство. В это же время из окруженного автомобиля вышла дама.

Марго сегодня проснулась ближе к полудню. Открыв глаза, поморщилась от головной боли. Скинула с себя воздушное одеяло, грациозно потянулась, не забыв поднять голову на зеркальный потолок. Оценив обнаженное отражение, улыбнулась, но тут же, схватившись за голову, нахмурилась, почувствовав приступ мигрени и тошноту. Вчера они с друзьями гуляли в ресторане, отмечая день рождения общей подруги. Видимо, слишком хорошо, если сегодня было так плохо. Марго вспомнила, как в ударе вытанцовывала на высоченных каблуках под живую музыку, громко смеялась, без конца подбегая к столу, чтобы произнести очередной тост – немного неприличный, чисто женский, но зато оригинальный и смешной. Вспомнила, как на кураже флиртовала с мужчиной за соседним столиком, отмечавшим какое-то событие в небольшой компании. Но увы. Он был с дамой, возможно, с женой. Видно, поэтому дело ограничилось тайными воздушными поцелуями, не больше. Да и не нужен он был Марго! Ей достаточно было того, что она ловила на себе бесчисленные похотливые взгляды всех мужчин в ресторане.

Еще она вспомнила о вчерашнем неприятном разговоре с отцом. Он позвонил ранним утром. Мало того что разбудил ее, так еще поплакался, жалуясь на плохое самочувствие, душевное одиночество, и настоятельно просил наве-

стить его. Марго без комментариев выслушала жалобы отца, потом ее раздражение сменилось противной жалостью, и, прежде чем закончить разговор, больше походивший на монолог, она снизошла до ответа:

– Хорошо. Завтра заеду. Надеюсь, ты будешь трезв.

– Да что ты, доченька! Я уже давно завязал. Вот только сердце все равно продолжает шалить, давление скачет, ноги болеть стали, – заискивающе, перечисляя все свои недуги, отец попытался оправдаться. – Все это, Ритуля, от тоски и одиночества.

– Ты сам во всем виноват! – приговор прозвучал жестко и без сожаления. – Все. Ладно. Мне некогда сейчас говорить. Завтра днем заеду.

Марго задумалась, вспомнив свои ощущения, когда у нее появилась собственная квартира и она с большим удовольствием покинула отчий дом. «И зачем я сообщила отцу свой новый адрес? Вот возьмет и нагрянет ко мне в самый неподходящий момент. А оно мне надо?» Но за два года отец, зная строптивый характер дочери, так и не отважился навестить ее. Да она и не приглашала.

В своей роскошной квартире с дизайнерским ремонтом и стильной мебелью, доставленной из Италии, Марго чувствовала себя настоящей королевой и принимала у себя только избранных. Как же ей хотелось забыть все, что напоминало о прежней жизни: родителей, их дом, прежних подруг, соседей, которые все знали друг о друге и были в курсе

всего происходящего. Забыть все, кроме того времени, когда отец хорошо зарабатывал и они с мамой ни в чем не нуждались, когда сама она была еще маленькой девочкой и ей, единственному ребенку, не было ни в чем отказа. Хотела оставить в памяти все, от чего чувствовала себя счастливой, ровно до того момента, пока мама не ушла. И ладно бы только от отца. Но она бросила свою единственную, так похожую на нее дочь.

Несмотря на желание поваляться в кровати, Марго встала и отправилась в ванную, перед этим выпив таблетку аспирина. В джакузи, расслабляясь во время легкого подводного массажа, она все же сумела прогнать неприятные мысли и воспоминания, а прохладный душ окончательно убрал последствия вчерашней гулянки. Облачившись в большое махровое полотенце и соорудив из другого тюрбан на голове, Марго поплелась на кухню, отделенную от просторной гостиной мраморными колоннами. Включив кофемашину, задумалась, непроизвольно нахмурила лоб и тут же вспомнила, что пора делать очередные уколы ботокса. Мысль о поездке к отцу сильно портила ей настроение. С одной стороны, она ощущала злость и неприязнь, с другой – жалость. Чтобы не углубляться в воспоминания и неприятные эмоции, Марго решила поторопиться.

Выпив две чашки крепкого кофе, зашла в спальню и, усевшись за туалетный столик, сделала легкий макияж. За-

тем сняла полотенце с головы, нанесла специальное средство на длинные влажные волосы, расчесала их, привычным движением восстановила локоны и слегка зафиксировала прическу лаком. Вьющиеся рыжие волосы она унаследовала от мамы и гордилась ими, стараясь лишь подчеркнуть их природную красоту.

Для сегодняшней поездки Марго решила не наряжаться. Надела короткую джинсовую юбку и красный топ с большим декольте. Взяв с туалетного столика хрустальный флакончик духов Floral Oriental, украшенный бриллиантом, сначала покрутила его в руках и, получив удовольствие от одного только вида, нанесла на себя несколько капель волнующего аромата. Уже в прихожей сунула ножки в сабо на высокой пробковой платформе и пристально рассмотрела себя в большом зеркале. Поправив на изящной шейке цепочку из белого золота с подвеской в форме бриллиантового сердца, она еще немного покрутилась перед зеркалом и, прихватив сумочку от Chanel и ключи от новенькой красной Ferrari, вышла из квартиры.

Заскочив по дороге в супермаркет, Марго быстро набрала разных продуктов, загрузила их в багажник, забежала в аптеку, купила необходимые отцу лекарства и с чувством выполненного долга вырулила на шоссе. На нужном ей повороте Марго неожиданно увидела выставленное ограждение. «Суки! Опять копают! Как все не вовремя!» – с раздражением подумала она. Хорошо зная район, она проехала чуть

дальше, повернула в первый попавшийся двор и столкнулась с тем, чего никак не ожидала. Под колеса ее машины бросился ребенок.

Несмотря на то что Марго ехала на предельно низкой скорости, резкое торможение заставило машину нервно и тяжело вздрогнуть, прежде чем она смогла остановиться. Шок длился долю секунды. Марго внутренне собралась, дождалась, пока восстановится дыхание, от души выругалась и вышла из автомобиля. На асфальте сидела девочка лет трех и, плача, терла кулачками глаза. Марго сразу поняла, что она ничем не навредила ребенку – девочка была в метре от капота машины. Она уже хотела поднять ребенка, успокоить, но женщина, подбежавшая к ней с воплями, остановила ее:

– Не трогай моего ребенка, тварь!

Марго отпрянула и дрожащим голосом попыталась успокоить взволнованную женщину:

– Не волнуйтесь, с девочкой все хорошо! Она просто, видимо, сильно испугалась.

Та, порывисто ощупывая дочь, рискуя резкими движениями травмировать ее, продолжала визжать и сыпать проклятиями.

– Вы простите меня, конечно, но надо лучше смотреть за ребенком, – Марго попыталась вразумить обезумевшую женщину, но чуть не поплатилась за это.

– Ах ты, дрянь такая! Ты меня еще учить будешь? Сейчас-то я повыдираю твои рыжие патлы! Ты, мразь, век у ме-

ня за руль не сядешь!

Уже забыв про ребенка, грузная, с сальными волосами, неопрятно одетая мамаша воинственно ринулась на предмет своей внезапной ненависти.

Одновременно Марго увидела, что все те, кто находился поблизости и был свидетелем этой нелепой случайности, с ругательствами и угрозами приближаются к ней. Понимая, что не может противостоять этой публике, жаждущей мести и расправы, она быстро села в машину, заблокировала двери и в недоумении стала ждать, когда все собравшиеся снаружи успокоятся и дадут ей проехать. Но тщетно. У Марго стали сдавать нервы. Она понимала, что, если усилившийся дождь не в силах разогнать гневное сборище, придется действовать самой. Надеясь вразумить озверевший народ, она решительным жестом открыла дверцу, вышла из машины, но тут же пожалела об этом. «Сука!», «Проститутка!», «Бандитская подстилка!» – оскорбления неслись с разных сторон ей в лицо, хлеща, словно пощечины: «Да знаем мы, каким местом ты заработала себе такую тачку!»

С «одним местом» Марго еще могла бы в какой-то степени согласиться. А вот другие обвинения выглядели слишком жестоко. Все это уже смахивало на классовую борьбу расслоившегося на бедных и богатых общества или походило на травлю, в которой толпа жаждала крови и зрелищ. Не хватало только возгласов «Ату ее! Ату!». Когда какой-то выживший из ума дед, видимо, вспомнивший свое далекое боевое

прошлое, замахнулся на нее костылем с нелепым призывом «Бей фашистов!», у Марго потемнело в глазах и подкосились ноги. В этот момент чьи-то сильные руки уверенно подхватили ее, и, прежде чем упасть, она встретилась с незнакомцем взглядом.

Врожденное чувство справедливости подвигло Сашу на очевидные для него действия. Быстро оценив ситуацию и понимая всю нелепость происходящего, он поспешил на помощь. Подхватив бледную, уже изрядно промокшую незнакомку, выронил цветы. Мокрый букет был мгновенно затоптан. Саня спешно обошел машину, придерживая девушку, и помог ей усесться на пассажирское кресло впереди. Сам, видя ее полубомбочное состояние, сел за руль и со словами: «Да что же вы как звери себя ведете!» – уверенно повернул ключ в замке зажигания.

Промокшие под дождем граждане начали расходиться. Кто-то еще бурчал, желая обсудить происшествие в деталях, но дождь, плавно перешедший в плотный ливень, разогнал всех по домам.

Саша давно умел водить машину. Еще не получив права, он периодически садился за руль с позволения отца, и они вместе разъезжали то по делам, то просто ради удовольствия прокатиться по Москве.

С автоматической коробкой передач он был знаком больше теоретически, но, быстро разобравшись, медленно тронул машину с места, не забывая поглядывать на оторопев-

шую, вжавшуюся в кресло незнакомку.

Вскоре он аккуратно припарковал автомобиль около знаменитой высотки и, убедившись, что девушка окончательно пришла в себя, задал ей вполне уместный вопрос:

– С вами все в порядке? Вы можете сесть за руль?

На самом деле Марго давно пришла в себя и даже успела немного рассмотреть своего защитника, но очень удивилась, что парень решил остановить машину именно там, у того самого дома, где жила она много лет и где сейчас в одиночестве коротал свои дни ее престарелый отец. «Чудеса!» – подумала она, заинтересовавшись незнакомцем еще больше.

– Да. Спасибо. Мне лучше, – сдержанно ответила Марго, лихорадочно обдумывая план, который неожиданно возник у нее в голове.

Дождь выстукивал дробь по крыше автомобиля. Внутри было уютно, но беспокойно от общего напряжения. В салоне пахло кожей и ее духами. Этот аромат, сложный, дорогой, с угадываемыми нотками ванили, был настолько притягательным, что затмевал реальность, уводил туда, откуда ни за что не захочется возвращаться. Именно сейчас Саню охватило не осознаваемое раньше желание. Ему безумно понравилась девушка. Сидя друг к другу влоборота, они несмело изучали и рассматривали друг друга. Чтобы разрядить внезапное напряжение, она, нарушив затянувшееся молчание, протянула руку и представилась:

– Марго, – и добавила, кокетливо улыбнувшись: – короле-

ва Марго.

Он неловко и поспешно пожал ее нежную ладонь и представился в ответ:

– Александр, – стараясь выглядеть взрослее и серьезнее, добавил: – Рад знакомству.

Они одновременно рассмеялись, вспомнив, при каких обстоятельствах произошла их встреча. Недавнее происшествие уже обоим казалось комичным, но точно не трагичным случаем. А ведь именно благодаря этому курьезу они и познакомились. Не желая развивать эту тему, оба решили переклеститься на что-то более приятное. Марго взяла инициативу в свои руки.

– Александр! Красивое и мужественное имя! Недаром так звали Македонского. Вы случайно не потомок легендарного царя и... завоевателя? – Марго умышленно сделала паузу, многозначительно посмотрев Саше в глаза, и рассмеялась. – Похоже, мы оба царственные особы, – наклонив голову, она поправила намокшие под дождем волосы и, глубоко вздохнув, замерла.

От ее смеха, жеста и чувственного вздоха у Саши все перемешалось в голове, мысли поплыли в неизведанное, и было им там удивительно приятно. Но дурацкое смущение продолжало сковывать и заставляло его краснеть. Наконец Марго задала решающий вопрос:

– Александр, – она подчеркнуто уважительно произнесла его имя, – вы не торопитесь? – не желая услышать ответ,

который не пришелся бы ей по нраву, она быстро произнесла: – Я бы хотела продолжить наше знакомство и пригласить вас прямо сейчас в гости. Я непременно хочу угостить вас чашечкой отменного кофе в знак благодарности за свое чудесное спасение.

– Да уж. Угораздило вас! – только и смог он ответить.

Все, что сейчас происходило, Саше казалось не просто волшебством, а настоящей мистикой. Кажется, что-то подобное он видел сегодня во сне, но, проснувшись, никак не мог вспомнить важные детали. Но если и это только сон, то он категорически не хотел бы сейчас проснуться и прервать захватывающий сюжет, да еще на самом интересном месте. Все, что он в состоянии был сейчас сделать, это молча утвердительно кивнуть.

Когда они вышли из машины, чтобы поменяться местами, дождь уже прекратился, появилось солнце, и только кривые лужицы напоминали о ливне и недавнем происшествии. Не желая испытывать судьбу, Марго выкинула из головы цель своей поездки, даже учитывая то, что она была практически на пороге отчего дома. Новая цель казалась намного важней и приятней. Ситуация ее развлекала, порождая приятные фантазии.

Марго плавно и уверенно вела машину. Приятная музыка в салоне расслабляла и уносила в мир иллюзий, где нет никакой суеты и волнений, лишних переживаний, нет ничего, что мешает быть радостным и довольным, а есть только он

и она.

Перебрасываясь дежурными фразами о погоде, о чем-то абсолютно нейтральном, сдерживая свои тайные мысли, они добрались до презентабельного жилого комплекса, расположенного на побережье Москвы-реки. Сане показалось, что он очутился в сказочном королевстве, и это лишний раз навело его на мысль об иллюзорности всего происходящего. И все же он был сосредоточен на ней – очаровательной рыжеволосой фее, неспешно ведущей его в свой незнакомый, но восхитительный мир.

6

Поднимаясь на скоростном лифте, в зеркалах которого они отражались удивительно красивой парой, Саня не мог справиться со стеснением и внутренним трепетом. Для него все было новым, странным, и от этого ему трудно было управлять эмоциями. На двадцатом этаже у него неожиданно заложило уши, но лифт, который тянул еще выше, будто в небеса, наконец плавно остановился.

Марго чувствовала состояние парня, хотя видела, как он изо всех сил пытался скрыть свое замешательство и восхищение.

О, как она его понимала! До недавнего времени она сама только мечтала о том, что теперь имела. Только ни о какой любви не позволяла себе даже думать, не хотела эмоциональной привязанности, потому что были другие цели, более значимые.

Оказавшись в квартире, Саня сразу обратил внимание на обстановку и улыбнулся. Марго в своих владениях смотрелась как настоящая королева. Чтобы не выглядеть наивным простаком, он скупым взглядом неявно, но внимательно рассматривал владения случайной, а возможно, совсем не случайной незнакомки. «Странно. Такое ощущение, что я был здесь раньше и уже где-то видел Марго или девушку,

похожую на нее, – видел со спины и немного в профиль, поэтому лица не запомнил. Мистика какая-то!» Саша подумал о том, что его увлечения мистическими историями до хорошего не доведут: «Случайная встреча, моя помощь, ее благодарность – и вот, сразу мистика. Чушь».

Марго, следуя своему плану, несмотря на то что данную ситуацию она никак не планировала, быстро вошла в роль заботливой хозяйки. Стараясь вести себя непринужденно, предложила Александру переодеться и протянула ему халат – длинный, бархатный, тяжелый, отделанный золотой каймой. «Не жарковато ли в нем будет?» – подумал Саша, но халат взял. Он, несомненно, поддавался ее обаянию – Марго это видела. Его влажную одежду, которую он снял, закрывшись в ванной, расположенной между прихожей и гостиной, она положила в сушильный шкаф, а сама, загадочно улыбнувшись и игриво взбив еще влажные волосы, проследовала в спальню. Там за полупрозрачной дверью имелась еще ванная, которую Марго с юмором окрестила своей королевской купальней. Сюда, кроме нее, попадали только с ее позволения.

В светлой с изысканным вкусом обставленной гостиной, сидя на голубом бархатном диване с разбросанными по нему подушечками, Саша угрюмо разглядывал свои голые ноги в белых носках; в таком виде уж больно глупо выглядел. Чертыхнувшись вслух, он решительно снял носки, быстро отнес их в прихожую и засунул в кроссовки. Вернувшись в гости-

ную, пожалел, что, поддавшись обаянию Марго, принял приглашение в гости. Стоило ему остаться одному, сразу развеялись ее чары. Захотелось бежать отсюда немедленно.

На скорую руку Марго приняла душ. Намеренно не надев нижнего белья, облачилась в шелковый красный с черным кружевом длинный халат, высоко подколола тяжелые волосы массивной заколкой и, направившись к гардеробной, достала оттуда атласные тапочки, расшитые бисером. Она купила их в Пекине в маленьком магазинчике, похожем на сувенирную лавку; не смогла устоять перед изделием ручной работы. На вид тапочки были сказочно красивы, но качество оставляло желать лучшего, поэтому Марго надевала их по особому случаю, обычно предпочитала ходить дома босиком. Сегодня случай как раз был особый. Вскоре она появилась в гостиной, не догадываясь, что недавно ее гость готов был бежать, не оглядываясь.

С напускным спокойствием Саша листал глянцевый журнал, который нашел на низком столике у дивана. Увидев Марго, он резко встал, снова сел и уставился на нее, не зная что сказать. Она сдержанно улыбнулась и голосом, не терпящим возражений, произнесла:

– Ну что ж, Александр, предлагаю отметить наше знакомство. Я думаю, немного вина не помешает нам обоим.

Он кивнул, хотя был ярким противником любого алкоголя. Сжавшись, словно пружина, каким-то чужим, просевшим голосом выдал из себя:

– Думаю, да. Немного не помешает.

Обычно готовый поддержать любую беседу, Саня потерял дар речи и согласился выпить в надежде разбудить в себе бы-
лое красноречие и не выглядеть в глазах потрясенной женщи-
ны неопытным тюфяком.

Марго одобрительно кивнула, включила любимый джаз и, одарив гостя многозначительным взглядом, пошла на кухню. Разбирая пакеты с продуктами, купленными отцу, она почувствовала легкое угрызение совести, но, не желая портить себе настроение, мысленно переключилась на приятное. Вспомнив, как Александр решительно выхватил из ее рук непривычно тяжелые сумки, когда, припарковавшись на стоянке у своего дома, она доставала их из багажника, улыбнулась. Вроде бы его действия были естественными, но это ее приятно удивило. Он ей определенно нравился!

Марго помыла фрукты, ягоды, выложила на блюдо сыр-
ную нарезку, в том числе свой любимый сыр с голубой плесе-
нью, потом откупорила бутылку сухого вина, разместила уго-
щения на серебряном подносе и, заглянув в зеркало, напра-
вилась в гостиную. Поставив поднос с угощениями на низ-
кий столик, она, привычно поджав ноги, совсем по-домаш-
нему, устроилась в уютном кресле напротив своего гостя. Увидев его ошарашенный взгляд, хмыкнула, вскользь улыб-
нулась и, пытаясь скрыть несвойственное ей волнение, про-
изнесла:

– Предлагаю наполнить бокалы и выпить за вас, моего ге-

роя!

Саша потянулся к бутылке и дрожащей рукой разлил вино по бокалам. Неуклюже соприкоснувшись своим бокалом с ее, выпил содержимое залпом, в отличие от Марго, сделавшей лишь несколько глотков. Эффект от выпитого не заставил себя долго ждать. Даже не почувствовав вкуса, он ощутил приятное тепло во всем теле и смог немного расслабиться. Теперь ему стало спокойнее, легче и появилась возможность внимательнее разглядеть ее – даму, которая своим появлением перевернула его планы на день с ног на голову, изменив все намеченное заранее. Именно даму. Теперь Саша не столько видел, сколько чувствовал, что Марго старше, но это не имело значения. В ней ощущались те нотки шарма и обаяния, которых так не хватало ему раньше в девушках.

Видя его сдержанность, Марго, преодолевая собственное замешательство, решила взять инициативу в свои руки.

– Александр, – она продолжала с подчеркнутым уважением обращаться к нему, – расскажите немного о себе. Чем занимаетесь? Чем увлекаетесь?

Ему очень захотелось соврать, придумать что-нибудь такое, от чего он будет выглядеть взрослее, но, понимая, что ложь наверняка потянет за собой цепочку неожиданных вопросов, решил сказать правду:

– Я студент. Учусь в МГУ, – и, смущаясь, добавил: – Вернее, только поступил туда, – Саша затаил дыхание и обреченно уставился в пол.

Он не заметил, как брови Марго, плавно изогнувшись, в удивлении поползли вверх. Она, конечно, сразу увидела, что он моложе, но понять, на сколько именно, было невозможно. Следующий ее вопрос прозвучал иронично:

– И сколько же тебе лет, мачо?

«Вот, кажется, и подошел к концу этот сон», – даже с облегчением подумал Саша и, чтобы не тянуть с этой темой, как с жевательной резинкой, меняющей вкус от сочной сладости до вязкой горечи, спокойно ответил:

– Восемнадцать. Сегодня исполнилось восемнадцать. И мне, кажется, пора! Сами понимаете, день рождения. Надеюсь, вещи мои высохли, – осознав, что терять уже нечего, он задал встречный вопрос: – А, кстати, сколько вам лет, королева Марго?

Неожиданно Марго опять рассмеялась и с невинным лицом произнесла:

– Так-так! Значит, царь зверей?

– Не понял! А-а-а... Вы про это. Ну да, по гороскопу я лев. И что из этого следует? – спросил он вызывающе, понимая, что странное свидание наверняка подходит к концу.

– Да ничего не следует, – Марго улыбнулась. – С днем рождения, Александр! – немного помедлив, продолжила. – Что касается вопроса о возрасте, то скажу честно, я старше вас. Мне двадцать три, – и, не давая ему опомниться, добавила: – А знаете, Саша, я ведь тоже окончила МГУ – факультет журналистики. Какое милое совпадение. И за это пред-

лагаю выпить. Но сначала за ваше совершеннолетие!

На самом деле Марго исполнилось тридцать два. Ей понравилась такая комбинация из цифр, потому что ими можно было легко жонглировать при удобном случае. И сегодняшний случай подходил как нельзя лучше.

Она сама наполнила его бокал. При этом в свой лишь чуть плеснула.

– И давайте, Александр, уже перейдем на «ты». А для этого что нам надо сделать? Правильно, выпить на брудершафт.

Марго всеми способами пыталась игривым тоном замаскировать внезапно возникшее напряжение. Она поднялась и пересела к Сане на диван, так же уютно подобрав под себя ноги.

«Черт! Как же она умопомрачительно пахнет!» Этот аромат завораживал его, тянул к ней, мешал думать. Их руки переплелись, и, пригубив вина, они одновременно поставили бокалы на низкий столик. Марго потянулась, сняла заколку с волос, тряхнула головой, глубоко вздохнула и своими чувственными губами нежно коснулась его тонких, сдержанных губ. Саша замер и задержал дыхание. Она немного отстранилась и внимательно, задумчиво посмотрела ему в глаза. Ее взгляд был пронизывающим до странно-приятной боли. Саша почувствовал, что у него в груди что-то сжалось и тут же отпустило, заставив бешено стучать сердце. Неведомое ему удовольствие и истинное желание он испытал впервые. И впервые нестерпимо захотел женщину – только эту

и никакую другую. Но противное стеснение все еще мешало ему, сковывало, хотя он изо всех сил пытался избавиться от него, мысленно отгоняя, как назойливую муху.

А Марго уже видела будоражащие ее картинки. Они, как слайды, замелькали у нее в голове, вызывая внутри ласковые волны желания. Но спешить она не хотела, понимая, что своим напором может спугнуть или вовсе отвернуть от себя парня, который уже представлялся ей отменным любовником.

– Сашенька, ты очень напряжен! Хочешь, я сделаю тебе расслабляющий массаж? – поймав его настороженный взгляд, Марго рассмеялась. – Ой, да не бойся ты! Я же не съест тебя собираюсь! Повернись немного, плечи тебе помассирую.

Марго заводила Сашина неуверенность. Новые ощущения вызывали у нее томление в груди и сладко-ноющую боль внизу живота.

Приспустив халат, Саня постарался расслабиться. Он чувствовал себя как в тумане, где расплывчатые тени сплетались в замысловатых позах и тянули к себе, предвещая непостижимое удовольствие. Интерес к происходящему вынуждал его подчиняться, выполнять все просьбы этой оболстительной женщины, которая, устроившись сзади, уже вовсю разминала его широкие напряженные плечи. Он не противился, как неожиданно почувствовал всю ее, прижавшуюся к его спине. Тут же губы Марго коснулись его шеи сзади. Ее дыха-

ние показалось ему невыносимо горячим. Трепетная, теплая волна удовольствия прошла по его телу, остановилась в паху и уже там расплескалась с удивительной нежностью и силой одновременно. Ненадолго он замер, не смея дышать, потом, набрав больше воздуха в легкие, вдохнул, медленно выдохнул, но не до конца, словно запасаясь кислородом на случай, если не сможет больше дышать, и развернулся. Халатик на Марго был полностью распахнут, и Саша сразу увидел ее восхитительно красивую грудь. Волнение и желание обладать этой женщиной дошли до пика. Теряя последние капли рассудка, он притянул Марго к себе и решительно припал к ее губам, пахнувшим вином и клубникой. Незаметно улыбнувшись, Марго медленно втянула в себя его нижнюю губу, затем верхнюю, языком очертила его рот. Саня немного оторопел. Очнулся, когда, закрыв глаза, они уже неистово целовались. К затяжному поцелую добавились взаимные и настойчивые объятия. Ему нестерпимо захотелось увидеть Марго обнаженной, коснуться ее везде и идти дальше, если только она позволит. «Позволит! Еще как позволит!» – будто кто-то нашептывал ему. Тем временем Марго, лаская губами его ухо, шептала что-то неразборчивое. Саша, словно со стороны, услышал и свой голос. Они оба издавали странные звуки, возбуждающие еще больше обоих, и не было нужды угадывать в них затерявшиеся слова.

Марго отстранилась и попыталась быстро стянуть с Сани халат. Он не сопротивлялся, наоборот, привстав, помог ей.

Не позволяя себе очнуться словно ото сна, он уже трепетно ласкал ее пышную грудь, боясь сделать что-нибудь не так. Самая красивая женщина находилась в его объятиях и была готова отдаться ему. Сами собой сметались все препоны, установленные им же самим.

Марго не хотелось торопить Саню, она лишь хотела придать уверенности ему. Поглаживая его густые шелковистые волосы, она наслаждалась моментом и ничего не значащим эпизодом в ее жизни. В чувственном предвкушении она притянула его голову к своей груди и, улыбнувшись, с невероятной нежностью произнесла: «Смелее, мой мальчик, смелее».

Предательская дрожь выдавала его с потрохами. Теперь он не знал, куда деть руки, показавшиеся ему совсем ненужными в силу своей непригодности. Сухими губами он неуклюже коснулся ее груди, проклиная свою неопытность и чрезмерный трепет, и даже не понял, как быстро оказался сосок Марго у него во рту. Саня почувствовал, что летит в бездну. С каждой минутой в нем просыпался не только инстинкт, заложенный самой природой, но и мужчина, голодный самец, жаждущий секса. Закрыв глаза, Марго улыбалась, предоставив парню возможность проникнуться, по всей видимости, новыми для него ощущениями. Услышав сдавленный смешок, Саня отпрянул от соблазнительной груди и, стараясь выровнять дыхание, срывающимся голосом встревоженно спросил:

– Я что-то не то сделал?

– Ну что ты, милый, все замечательно! Просто стало щекотно, – ответила Марго с невинной улыбкой. Легонько оттолкнув Сашу, она с любопытством заглянула ему в глаза. Не отрывая своего игривого взгляда от его затуманенного, она коснулась тонким пальчиком его губ, очертила их, затем провела длинным ноготком по его шее, поводила им по груди, выписывая незамысловатые узоры, и неожиданно сжала ему сосок. Саня вскрикнул. Марго засмеялась, опустила глаза и тут же ахнула – громко, с придыханием, оценив всю мощь мужского достоинства. Ликуя в душе, что не ошиблась в своем выборе, она медленно поднялась, взяла Сашу за руку и охрипшим голосом произнесла:

– Пойдем!

Она повела его в спальню. Саша шел, думая, что еще один шаг, и он упадет; ноги были ватными. В горле першило, и захотелось воды. «Какая на фиг вода, мне бы сейчас что-то покрепче не помешало», – подумал он, опасаясь, что Марго может оттолкнуть его неопытность, и не догадывался, что Марго давно все поняла и захотела его так, как никого раньше.

Убранство спальни впечатляло. Особенно огромная круглая кровать посередине комнаты. В глаза Сани бросились венецианские маски, разбросанные по стенам, выкрашенным в спокойный бежево-розоватый цвет, темные с шоколадным отливом шторы, ниспадающие длинным шлейфом на светлый пушистый ковер, большая картина в золоченом багете с недвусмысленным сюжетом и, конечно, зеркальный пото-

лок с точечным вкраплением маленьких светильников, переливающихся всеми цветами радуги. В комнате работал кондиционер. Было прохладно. Но Сане становилось все жарче и жарче.

Как ни в чем не бывало Марго сбросила с себя шелковый халат, скинула с огромной кровати покрывало, улеглась, не подумав прикрыться, и, похлопав рядом с собой, ласково произнесла:

– Ну иди ко мне, мой мальчик. Давай осуществим все твои самые смелые фантазии. Ведь они есть у тебя, не так ли?

От услышанного Саню подбросило словно взрывной волной, и, не успев опомниться, он оказался в кровати. Со словами «хочу тебя, королева», произнесенными непривычно низким голосом, он лихорадочно стянул с себя трусы, а Марго потянулась к тумбочке за презервативом.

Их сладострастные стоны, сумбурные слова, сливающиеся в диком, ненасытном желании обладания друг другом, затянулись до позднего вечера. Марго удивительно действовала на него. Совсем не явно, не слишком нарочито она руководила им, подстраивая под себя, направляла его – хаотичного, взрывного, настойчивого, порой несмелого, но дерзкого при этом. В ее объятиях он все больше раскрепощался, и вся сексуальная энергия, сдерживаемая ранее, вырвалась наружу. И когда, насытившись ею, чем поразил до крайности, удовлетворив многие ее прихоти, он вдруг опомнился и вернулся к реальности, была уже ночь. Саша осознал, что

сотворил, и ужаснулся. Паника молнией пронзила его.

– Черт. Мне срочно надо бежать!

Марго была очень удивлена резкой сменой его настроения и не удержалась от вопросов:

– Куда? Зачем такая спешка? – ей и в голову не могло прийти, что этот парень, который так ей понравился, в том числе своей страстностью, захочет так поспешно уйти.

– Где мои вещи? – откинув с лица взлохмаченные влажные волосы, спросил Саня нервно и требовательно.

Марго обиженно надула губы, словно у нее отняли, нагло вырвали из рук ее любимую игрушку. Что-то бурча себе под нос, встала, накинула халатик и, демонстративно покачивая бедрами, с гордо поднятой головой отправилась за вещами. Достала из сушилки его джинсы, футболку, не торопясь вернулась в гостиную и бросила вещи на диван. Саша обратил внимание на ее недовольное выражение лица, с брезгливостью взглянул на свою помятую, потерявшую изначальную белизну футболку и, быстро одеваясь, решил все же объяснить:

– Марго, меня сегодня ждали дома. Ты даже не представляешь, что сейчас будет. Умоляю, не сердись!

– О господи! А что может быть? Ты уже не маленький мальчик и сам вправе решать, где и с кем быть, тем более в свой день рождения!

Ее слова немного успокоили и придали уверенности ему, но внутри все равно было тревожно.

– Ну хорошо. Давай я тебе такси вызову, если ты так спешишь убежать от меня, – в ее тоне не было понимания, лишь неприкрытый сарказм.

Ему сейчас не были важны ни ее тон, ни понимание. Важно было быстрее добраться до дома.

Пока Саня, пытаясь унять нервную дрожь, завязывал шнурки на кроссовках, Марго достала из ящика комода записную книжку, нашла чистый лист, вырвала его и, быстро написав на нем номер своего мобильного, протянула ему:

– Позвони мне! – ее слова прозвучали в приказном тоне. И, чтобы смягчить сорвавшуюся интонацию, Марго томным, с сексуальной хрипотцой голосом добавила: – Алекс, слышишь? Я буду ждать!

Совсем иначе прозвучало его имя. Самой Марго понравилось – и на слух, и на вкус. Саня, казалось, не обратил на это никакого внимания.

Он ехал в такси. Нервозность не покидала. В животе сильно урчало. Он только теперь понял, как голоден. Наспех съеденный кусок сыра и фрукты вряд ли могли его насытить. Но, когда он сливался с Марго в поцелуе, когда был в ней и чувствовал ее изнутри, когда отдыхал, умиротворенный, а потом с новыми силами входил в нее, он не ощущал никакого голода, кроме одного: сексуального.

Саша тут же представил обилие вкусной еды, приготовленной мамой к праздничному ужину. Он понял, что натворил, и его вдруг потрянуло так, что он уперся рукой в барда-

чок. Но, возможно, это случилось не из-за угрызания совести, а потому что таксист резко затормозил, едва не пропустив нужный подъезд.

Дом спал, лишь светились одинокие окна. Лифт быстро поднял его на нужный этаж. Саня достал ключи, которые чудом не выпали из кармана джинсов, учитывая все случившееся. Стараясь как можно тише открыть дверь, он вошел в квартиру.

Глупая надежда, что все как-нибудь обойдется, не оправдалась. На кухне горел свет. Родители немедленно показались в прихожей, едва услышав там движение. Одеты они были так, словно до сих пор ожидали прихода уважаемых гостей и виновника торжества – своего сына, который вот-вот должен явиться. Минуты, плавно перетекающие в часы мучительного ожидания, затянулись до глубокой ночи.

Напрягшись, как натянутая до предела струна, Саша исподлобья переводил взгляд то на мать, то на отца. Мамино лицо было опухшим от слез и от этого выглядело неузнаваемым. А вид отца, учитывая непроницаемый взгляд и ходившие по щекам желваки, не предвещал ничего хорошего. «Вот и наступил час расплаты», – обреченно подумал Саня и понуро опустил голову.

– Санечка! Сыночек! Живой!

Подчиняясь материнскому инстинкту, София Михайловна готова была кинуться к сыну, обнять его и простить все, даже сковывающий холод, который она ощущала, пока муж

обзванивал больницы и даже морги.

– Не надо, Соня! – Дмитрий Борисович резко остановил супругу. – Ты где был? – тон, которым был задан вопрос, требовал незамедлительного ответа.

Саня насупился и, отступив на шаг, с вызовом посмотрел отцу в глаза. В нем вдруг проснулся бунтарский дух.

– Где надо, там и был! – его ответ прозвучал нелепо и больше походил на защитную реакцию провинившегося ребенка.

– А где ты должен был быть?

– Я уже не ребенок и имею право... – договорить Саша не успел.

Отец со всей силы отвесил ему оплеуху. От внезапного удара Саню повело в сторону, но он устоял. В этот момент София Михайловна очнулась и, схватившись за голову, с ужасом вскрикнула:

– О боже, какой кошмар! Димочка! Да ты что, не надо так!

– А как надо? Как надо, Соня? Разбаловала щенка!

Саша уже повернулся к двери, готовый от стыда и позора бежать куда глаза глядят, но отец, собрав в себе последние силы, приказал:

– Быстро спать! Завтра поговорим.

Дмитрий Борисович взял за руку жену, слишком расстроенную и подавленную, чтобы возразить, и отвел ее в спальню.

Саня снял обувь и, совершенно опустошенный, прошел

в свою комнату. Быстро разделся, лег, накрылся одеялом с головой и только теперь смог выдохнуть. Освобожденные чувства и мысли поднялись на поверхность, смешались, напомним события прошедшего дня. Дышать стало трудно. Думать было приятно и стыдно одновременно. Отбросив с головы одеяло, он заснул на удивление быстро.

Хочешь мира – готовься к войне. Саша понимал, что расплаты не миновать, в каком бы виде она ни была. Он прокручивал варианты разговора с отцом. Ведь именно с ним ему предстояло выяснять отношения, в отличие от мамы, которую достаточно было обнять и сделать виноватое лицо. Несмотря на то что утро для него наступило позже обычного, он все же решил пробежаться. К счастью, удалось выскокить из дома незамеченным.

Выйдя из подъезда, Саша непроизвольно охватил взглядом уютный благоустроенный двор, где, казалось, ничего не изменилось со вчерашнего дня. Все те же завсегдатаи лавочек, прячась от солнца, мирно беседовали о насущном, не забывая критиковать молодых мамаш, оккупировавших со своими чадами детские площадки. «Для полноты картины не хватает только Марго на ее шикарной тачке», – подумал Саня. Мысль о Марго тут же отозвалась в его теле. Он захотел ее так сильно, что чуть не подломились ноги, так сильно, что потемнело в глазах и дыхание сбилось, как после многокилометровой пробежки. Пришлось перестроиться. Он включил плеер, лежавший в кармане спортивных шорт, надел наушники и под рев, скрежет и лязганье любимого Rammstein быстро пришел в нейтральное состояние. Под тяжелый рок ему было проще настроиться на нуж-

ный лад.

Вернувшись домой, на пороге Саня неожиданно столкнулся с отцом. Тот, очевидно, собирался уже уходить, но, заметив сына, решил не откладывать разговор до вечера:

– Доброе утро, сын! Хотя скорее добрый день. Ты это... Короче, я жду тебя на кухне, поговорить надо!

Настрой и интонация отца показывали: войны, очевидно, не будет, – что, несомненно, не могло не порадовать Саню.

– Привет, па! – с напускным спокойствием ответил он. И, прежде чем закрыться в ванной, добавил: – Я быстро.

Саша впервые видел отца таким растерянным. И именно от этого ему стало совсем неловко за свой поступок. Неожиданно он посмотрел на отца по-новому, взрослым взглядом. Разменявший пятый десяток, тот выглядел крепким и молодым. Правильные черты лица, открытый взгляд, тембр голоса – все это располагало и внушало доверие. Его темные стриженные под «ежик» волосы уже тронула элегантная седина, что лишь добавляло облику благородного шарма. Отец всегда был справедлив и честен, но часто излишне принципиален. И уж точно его нельзя было принять за добряка и тем более назвать мягким и сентиментальным человеком. В нем чувствовался сильный, волевой характер.

Вскоре Саша явился на кухню. Дмитрий Борисович с попурым видом сидел за накрытым им же самим столом и пил чай. Судя по всему, вчера к еде так никто и не притронулся.

– Ты давай, сын, поешь! Не зря ведь мать столько нагото-

вила.

– Бать! Я знаю, что поступил как идиот. Просто помутнение какое-то нашло, – Саша говорил спокойно, честно и от души. Чтобы не обидеть отца и еще больше разрядить обстановку, взял вилку и с показным аппетитом начал есть свой любимый салат с курицей и ананасом. Опустошив тарелку, не поднимая глаза, покаянно произнес: – И ты заслуженно мне врезал. Прости.

Дмитрий Борисович помолчал немного, задумался, глядя куда-то вдаль, потер пальцами гладко выбритый подбородок и, остановив пристальный взгляд на сыне, тихо сказал:

– Я тебе скажу одно, Саня: если ты считаешь себя взрослым человеком, научись за свои поступки нести ответственность. Именно это отличает взрослого мужчину от ребенка – ответственность!

– Па, я реально все понимаю! Просто так сложились обстоятельства. А где, кстати, мама? – когда напряжение явно сошло на нет, Саша сразу озадачился очевидным вопросом.

– Мать глаз не сомкнула за ночь. Если б ты знал, сколько она успокоительных выпила... Лишь под утро уснула, не будем ее беспокоить. Эх, сын...

Исподлобья взглянув на отца и увидев в его глазах слезы, Саня почувствовал себя чуть ли не преступником.

– Ну а гости? Дядя Володя с женой приходили? – стараясь перевести разговор в другое русло, тихо спросил Саня, отведя взгляд в сторону.

– Слава богу, не смогли! Вот бы опозорились мы: гости на месте, а виновника торжества нет! Да что теперь об этом.

Дмитрий Борисович встал, вышел из кухни и вскоре вернулся с небольшой коробкой в руке.

– Вот, держи. Наш с матерью подарок. И прошу еще раз не пропадай! Всегда будь на связи.

Подарок превзошел все Санины ожидания. Это был его первый сотовый. Мало кто мог похвастаться собственным телефоном. Мобильные только начали приходить на смену устаревшим пейджерам и стоили довольно дорого.

– Спасибо, пап! Вам с мамой спасибо! Ну теперь точно не пропаду! Да и вы не дадите, – Саша рассмеялся и окончательно расслабился.

– А теперь признавайся, сын! Уж не с девушкой ли связано твое исчезновение? – Дмитрий Борисович хитро улыбнулся и, положив на стол бумажный конверт, сказал: – Возьми. Это тебе на мелкие расходы.

Услышав вопрос про девушку, Саня растерялся.

– Ну да... Да нет... – запутавшись, он выдал себя и, понимая это, мучительно покраснел, не забыв мысленно чертыхнуться. Решив не акцентироваться на этом вопросе, заглянул в конверт. – Пап, может, не стоит? У тебя и так расходов полно.

– Ладно. Если не уверен, можешь не говорить про свои трали-вали. Только будь аккуратен, сын. Ты понимаешь, о чем я говорю. Надеюсь на твое здравомыслие в этих вопро-

сах, – напутственно изрек Дмитрий Борисович, проигнорировав тему о деньгах.

– Бать, я знаю. Не переживай!

– Ну и ладненько, – уже совсем спокойным тоном произнес отец. – Мне надо по делам отъехать. Ты здесь с матерью как-то поосторожней. Сам понимаешь, мать есть мать.

Оставшись в одиночестве, Саша ринулся в свою комнату. Джинсы, наспех сброшенные ночью, лежали на месте. Он выдохнул. Если б мама, как обычно, была с самого утра на ногах, то все вещи уже были бы отправлены в стирку. Саня достал из кармана скомканный клочок бумаги и вернулся на кухню. Быстро разобравшись с инструкцией, он первым делом внес в записную книжку Марго. Неукротимое желание немедленно позвонить ей довело его до внутренней дрожи. Но что-то мешало нажать на кнопку вызова. «Да на фиг я ей сдался? Кто она, а кто я? За такими, как она, надо красиво ухаживать, дарить подарки, в рестораны водить. А что я могу ей дать? Да ничего!» Саня отложил новенький Siemens. Хорошее настроение улетучилось, а дикое желание незамедлительно заняться сексом с этой восхитительной женщиной окончательно спутало все мысли. «Нет. Надо все забыть и жить дальше. Это точка», – принял он окончательное решение.

Прошло три дня с момента встречи Марго с Александром. «Алекс! Милый мальчик», – воспоминание о проведенном

с ним времени все еще приятно будоражило ее, но не более. Марго не заводила долгие романы. Это могло иметь неприятные последствия. Тем более сегодня возвращался из деловой поездки в Германию мужчина, которому она была многим обязана. За время его отсутствия Марго успела воспользоваться своей свободой и неплохо провела время. Теперь стоило немного остепениться, чтобы не навредить самой себе. А ей было чего опасаться.

8

Марго было двадцать пять, когда, работая в тогда очень известной газете, она получила задание взять интервью у генерального директора одного из ведущих НИИ. Встреча с руководителем такого ранга была для нее первой, поэтому к заданию она отнеслась серьезно и подготовилась.

В назначенное время Марго была на проходной института, получила заранее выписанный для нее пропуск и через несколько минут уже сидела в просторной приемной, дожидаясь приглашения в кабинет. Ожидание затянулось. Сначала Марго заглянула в записи с вопросами директору и, удивившись, что знает все наизусть, стала разглядывать секретаря – чопорную даму лет пятидесяти. Та была одета элегантно и строго, но выглядела слишком старомодно, словно они были до сих пор в 1970-х. Особенно Марго умиляла прическа секретаря. Ее редкие волосы были собраны на макушке в пучок, и, судя по размеру, как виделось Марго, основой для пучка служила мочалка или консервная банка. Дама поверх очков периодически бросала взгляды на молодую журналистку.

Марго трудно было спрятать свою яркую индивидуальность, хотя на деловую встречу она оделась подобающе. На ней была строгая белая водолазка, но та лишь сильнее обозначила пышную высокую грудь, а черная юбка-каран-

даш только сильнее подчеркнула тонкую талию и красивый изгиб бедер. Без яркого макияжа и дорогих украшений, которых у Марго имелось предостаточно, она все равно выглядела ослепительно. Марго раздражала многих женщин, давно потерявших привлекательность и сексуальность. Вот и секретарша поглядывала на нее таким взглядом, будто мысленно расстреливала.

Наконец Марго дождалась приглашения. Она встала, тихонько откашлялась в сторону, поправила юбку и уверенно вошла в кабинет.

Высокий худощавый мужчина поднялся из-за массивного стола. Готовясь к интервью, Марго выяснила, что директору сорок пять, но выглядел он намного моложе. На нем были классический темно-серый костюм, белоснежная рубашка, синий с золотыми крапинками галстук. Высокий лоб и очки в тонкой оправе придавали облику директора вид скромного ботаника, но это только на первый взгляд. Стоило ему заговорить, ботаник сразу исчез, и перед ней предстал уверенный в себе и галантный мужчина.

– Добро пожаловать, уважаемая Маргарита Сергеевна! Простите, что заставил вас потомиться в приемной. Надеюсь, не гневаетесь на вашего покорного слугу? – выдав эту тираду, директор наклонился и поцеловал Марго руку.

Такой неожиданный прием обескуражил ее. Марго готовилась увидеть серьезного хмурого дядьку, из которого она клещами будет вытаскивать нужную информацию для ста-

тьи и чувствовать себя напряженной. А здесь сплошное очарование. Она сдержанно улыбнулась, понимая, что все эти расшаркивания с явным куражом могут оказаться наигранными.

– Добрый день, Федор Михайлович! Не стоит извиняться! Это я прошу прощения, что отвлекаю вас от дел государственной важности, – намеренно поддерживая манеру директора, она скромно опустила взгляд в пол.

Он оценивающе посмотрел на прелестную, очевидно, неглупую гостью и предложил сесть за массивный стол для совещаний, предусмотрительно отодвинув стул.

– Чего изволите, сударыня? Чай, кофе? – он продолжал все в той же манере обращаться к Марго, словно специально хотел еще больше смутить.

– Кофе, сударь, и желательнее со сливками. Заранее благодарю, – Марго решила не показывать свое замешательство.

Федор Михайлович одобрительно кивнул. Нажав на кнопку интеркома, любезно попросил секретаря принести два кофе со сливками и, сняв пиджак, устроился напротив Марго.

Секретарша с подносом в руках и демонстративно поджатыми губами появилась в кабинете довольно скоро. Аккуратно составив с подноса на стол маленькие чашечки с ароматным кофе и вазочку с конфетами, так же быстро удалилась, не забыв еще раз смерить Марго надменным взглядом.

Их беседа затянулась часа на два. Федор Михайлович при включенном диктофоне был сдержан. Никаких фривольно-

стей и отклонений от темы не допускал, говорил лаконично и по существу. Время пролетело незаметно. На прощание он снова галантно поцеловал Марго руку.

– Был рад знакомству со столь очаровательной леди! Желаю вам удачи в карьере и личной жизни, – пристально глядя на Марго, произнес директор и тут же, как показалось Марго, потерял к ней интерес. Впрочем, он и так потратил много времени на интервью, и было очевидно, что у него есть дела и поважнее.

Федор Михайлович понравился Марго, но она быстро переключилась. Прошел месяц. Статья уже вышла. Выпускающий похвалил Марго за отличную работу, и она уже приступила к другому заданию, как однажды, покидая офис редакции, была остановлена окликом:

– Марго, тебя к телефону!

– Васечка, ты что, не мог сказать, что меня уже нет? – Марго поморщилась, опасаясь, что этот звонок может задержать ее, из-за чего сорвется давно запланированная встреча с подругой. – Ну и козлик ты, Василий! – с нескрываемым раздражением добавила она.

– Между прочим, очень приятный мужской голос. А вдруг это твоя судьба? А за козла ответишь! – Василий подмигнул и, опередив Марго, выбежал из редакции, послав ей на прощание воздушный поцелуй.

– Да иди ты! – кинула она ему вслед, одним ловким движением создала на вьющихся волосах художественный бес-

порядок и, обреченно вздохнув, взяла трубку.

– Маргарита Сергеевна? Добрый вечер, сударыня!

Она сразу узнала его голос и манеру, которую трудно было спутать с чужой.

– Добрый вечер, Федор Михалыч, – от неожиданности ее голос предательски дрогнул и поднятая бровь выгнулась дугой.

Он позадал ей дежурные вопросы, которые не раскрывали цели его звонка. А потом перешел к главному:

– Сударыня, не изволите ли вы со мной отужинать? В качестве благодарности за вашу замечательную работу я бы хотел пригласить вас на ужин или обед – это как вам будет угодно – и еще раз иметь возможность восхититься вашей красотой и профессионализмом, – мужчина говорил спокойно и уверенно, но подтекст был очевидным.

У Марго участился пульс. Не будь она собой, моментально бы согласилась. Что-то подсказывало ей, что появление этого мужчины в ее жизни – большая удача.

– Уважаемый Федор Михайлович! Благодарю вас за приглашение, но даже не знаю, найду ли я время. На днях уезжаю в командировку. А мне еще столько дел надо закончить, – Марго блефовала, понимая, что может проиграть.

Небольшая пауза, возникшая на другом конце трубки, заставила ее волноваться и засомневаться в правильности выбранной тактики.

– Я не займу много вашего времени, Маргарита, – он впер-

вые назвал ее просто по имени. – Обещаю, что выберу хороший ресторан, и наша встреча пройдет в теплой дружеской атмосфере, – Федор Михайлович, похоже, не думал отступить. – Ну так как, когда вам будет удобно, сударыня?

Они договорились встретиться через два дня. Подавив желание ускорить встречу, Марго сама тянула время. В день свидания она ушла с работы пораньше, чтобы спокойно собраться и выглядеть сногшибательно. Предварительно записавшись в салон красоты, сделала маникюр и педикюр, затем села в кресло к знакомому не первый год парикмахеру. Настроение было чудесным, а предвкушение делало эмоции ярче. Взволнованная предстоящей встречей, Марго впервые решила окрасить волосы, придать своей естественной рыжине красный оттенок, чтобы наверняка сразить перспективного мужчину.

Аннушка, милая девушка, всегда с интересом смотревшая на Марго, после окрашивания, довольная своей работой, произнесла:

– Ну вот, красавица! Все готово. Ты, как всегда, очаровательна! Я думаю, твой бойфренд будет в восторге, – Анна не лукавила. Она всегда говорила от души.

– Да какой там бойфренд? Где они, нормальные мужчины? Сплошные нищелюбы или маменькины сыночки. Такое ощущение, что правильных мужиков еще в роддоме разбирают, а тем, кто не успел, остается одна некондиция, – не желая откровенничать, Марго рассмеялась, закрыв тему.

– Да ладно тебе! Уж у тебя-то точно нет проблем с этим. Мимо такой красотки ни один нормальный мужик не пройдет! – Анна профессионально улыбнулась, но теперь в ее голосе появились нотки женской зависти. – И потом у тебя сегодня так горят глаза, что в комплекте с этим огненным чудом, – она дотронулась до еще влажных волос Марго, – от тебя воспламенится каждый, кто встретится на пути. Вот увидишь!

– В аду им всем гореть! – Марго грациозно поднялась. – А пока мужики нужны нам здесь как минимум здоровые.

На выходе из салона Марго получила еще одну порцию комплиментов от администратора и поспешила домой. Она самым тщательным образом готовилась к вечернему свиданию. От этой неформальной встречи зависело многое – так она чувствовала. А чутье у нее было как у лисицы.

Марго вспомнила маму. Она всегда вспоминала о ней, когда возникало предчувствие переломного момента в жизни. В такие минуты Марго ощущала непонятную вибрацию в животе, руках, ногах и специфический металлический звук в ушах, похожий на звук металлофона. Все эти ощущения каким-то образом настраивали ее на связь с матерью, поддержки которой ей так не хватало.

Марго ненавидела мать и обожала одновременно. Страшная обида порой душила так, что ей хотелось кричать до хрипоты и потери голоса. Как же она могла променять ее, свою дочь, на красивую жизнь вдали от дома? Марго не хватало маминого участия, ее советов, запаха, манер. Мать до сих пор оставалась для нее эталоном красоты и женской мудрости – ее идеалом.

Актриса не только по профессии, но и по своей сути, Альбина проповедовала принципы, которыми, на ее взгляд, должна всегда руководствоваться истинная женщина. Первый и самый важный – блистать! «Если ты родилась женщиной, ты просто обязана относиться к себе как к произведению искусства! Но обложка мало чего стоит, если за ней нет интересной истории, нет загадки. И твоя задача – стать шедевром, быть ни на кого не похожей, иметь свой почерк во всем. И потом если бы Богу было угодно создать еще одно примитивное существо, то ты бы родилась мужчиной. Но ты женщина! Ты королева! Пользуйся этим даром».

Эти речи Марго слышала с детства, порой полагая, что, общаясь с ней, мама просто репетировала очередную роль для нового спектакля. Умная, хитрая, расчетливая Альбина, еще в студенчестве выйдя замуж, не прогадала. Статус профессорской жены ее вполне устраивал. Как и то, что супруг,

который был намного старше, любил ее до умопомрачения. Ей нравилось играть роль капризной девочки и вить из него веревки. При этом она полностью доминировала над ним. Дома ее практически никогда не было. Репетиции, гастроли, спектакли, фуршеты, рестораны, бесконечная череда романов – это была привычная и необходимая ей богемная суэта. А когда муж начинал возмущаться, взывая к ее совести или, того пуще, к ответственности, она быстро ставила его на место. Если у Альбины было плохое настроение, она закатывала истерику с криками и слезами. Летая по просторной квартире в своем белом с лебяжьим пухом пеньюаре, подол которого шлейфом волочился за ней, она превращалась в фурию. Хватаясь за голову, взывая к богу и тут же посылая все к чертям, Альбина никогда не забывала заглянуть в зеркало, чтобы удостовериться в своей неотразимости. Для придания большего драматизма своему выступлению она театрально прикладывала к груди руки, вспоминая, с какой стороны находится сердце. Ближе к финалу Альбина начинала бить посуду, но только ту, которая ей порядком надоела, а могла и с кулаками наброситься на мужа. Но тот лишь вздыхал и терпеливо, с молчаливым ужасом ждал окончания истерики любимой Альбиночки. Сама Марго на таких домашних спектаклях не испытывала никакого ужаса. Она с восхищением, словно в театре, наблюдала за маминой игрой и даже аплодировала, искренне не понимая отца, принявшего все за чистую монету. Семейный спектакль закан-

чивался обычно одним и тем же действием. Мужчина, встав на колени, просил прощения. Альбина, надменно приподняв левую бровь, протягивала ему руку для поцелуя и снисходила до помилования. Счастливый муженек, не дожидаясь прихода домработницы, принимался за уборку, устраняя последствия буйства своей капризной лебедушки, а потом шел на кухню, чтобы лично приготовить что-то вкусное для своих любимых девочек. Конец спектакля! Не хватало аплодисментов, переходящих в овацию, цветов и занавеса.

Марго трепетала перед матерью, старалась копировать ее во всем. Отца любила и жалела. Жалость сменилась неприязнью, когда мама ушла от него, доверив заботливому отцу дальнейшее воспитание дочери, и вскоре со своим любовником, оперным певцом, уехала из России, обещая со временем, как только представится возможность, забрать к себе дочь.

Оставшись с отцом и пользуясь принципами обожаемой ею матери, Марго играла роль любящей дочери и теперь сама стала вить из него веревки, зная, за какие ниточки надо дергать. Иногда Сергей Васильевич выезжал за границу на конференции и симпозиумы, где собирались ученые со всего мира. Марго неделями оставалась одна в огромной квартире, наотрез отказавшись от всякого присмотра любезных соседей, вопреки желанию отца. Достаточно было и домработницы, которой теперь, помимо уборки, вменялись в обязанно-

сти покупка продуктов, готовка и деликатный пригляд за девочкой. Марго всегда с нетерпением ждала возвращения отца, зная, что тот завалит ее подарками. Теперь, когда жены не было рядом, всю свою любовь Сергей Васильевич отдавал дочери, которая была копией своей мамы. Мужчина страдал. Но работа и забота о своем единственном ребенке не давали ему раствориться в боли и одиночестве. Ответственный и серьезный, он понимал, что не должен сдаваться и просто обязан поставить дочку на ноги. А потом будь что будет! Его душу грела единственная надежда, что доченька его любит, понимает и никогда не предаст. Пока Сергей Васильевич находился в иллюзиях, не заметил, как его Ритуля стала взрослой.

Однажды вечером, когда он работал в своем домашнем кабинете, к нему, постучавшись, зашла дочь. Присев на краешек кожаного дивана, тихо, чтобы не сбивать отца с мысли, елеинным голоском произнесла:

– Папуль, как твои дела? Мы с тобой давно не говорили по душам. Ты все время занят и занят.

Мужчина снял очки, отложил их, привычно потер глаза, и его лицо, изрядно постаревшее за последние годы, озарилось наивной улыбкой.

– Риточка, да жизнь такая. Надо работать и работать! Вот и приходится... – Сергей Васильевич с удовольствием поговорил бы о микробиологии, но был прерван:

– Папуль, ты так много работаешь! – с напускным сожа-

лением произнесла Марго. – Мне кажется, тебе было бы намного удобней и спать у себя в кабинете, зачем тратить время на перемещение? Я хочу занять вашу с мамой спальню и кое-что обновить там. Надеюсь, ты не будешь против?

Такое предложение застало Сергея Васильевича врасплох, отчего и ответ выглядел нелепо:

– А вдруг мама вернется? Мне кажется, что Алечка рано или поздно вернется. Никто не сможет любить ее больше, чем я. Никто! Она это поймет, – задумчиво произнес мужчина, и в его глазах показались слезы. И тут же боль, которую он прятал в себе уже не один год, резким уколом отозвалась в сердце. Дышать становилось все трудней. Не дожидаясь приступа, Сергей Васильевич дрожащими руками открыл ящик письменного стола и достал таблетки.

Дочь оставила это без внимания. Но от услышанного взорвалась:

– Пап, ты из ума, что ли, выжил? Мама вернется? Да она плюнула на нас давно! – к возмущению примешалась злость, которая распирала Марго изнутри. – И, знаешь, ты сам во всем виноват! Сам! – она уже перешла на крик, не обращая внимания, как побледнел отец и что ему все тяжелей и тяжелей становится дышать. – Ты всегда был тряпкой. Твоя Алечка всю жизнь гуляла, изменяя тебе направо и налево, и вообще делала все, что захочет! А ты...

Таблетка немного сняла сердечный спазм. Желания далее продолжать разговор не было. Приступ стенокардии опусто-

шил мужчину. Но, собрав в себе остатки сил, он все же решил сказать самое важное:

– Ты знаешь, Рита, я просто очень любил твою маму. А любовь прощает все! – больше ему нечего было добавить.

– Ах, любовь? Да чушь это все! Себя надо было любить. Может, и мама разглядела бы в тебе что-то, что смогло бы ее удержать с нами. Почему ты не отказался от меня, когда вы разошлись? Ведь тогда бы мама увезла меня с собой и я бы сейчас училась не в дурацком универе, а в Европе. Все нормальные люди уезжают за границу, а ты так и помрешь тут со своими никому не нужными бактериями, – подобным тоном Марго разговаривала с отцом впервые, словно с нее спала маска лицемерия и наигранной дочерней любви.

– Ты и так учишься в самом престижном заведении. Напрасно ты так. А насчет других обвинений у меня только одно объяснение, – тихо, совсем уставшим голосом произнес мужчина, – я сильно любил твою маму. И очень люблю тебя, дочь! И еще. Как бы глупо для тебя это ни звучало, я патриот и работаю на благо своей родины.

– Да к чёрту такую любовь! Кому нужна такая жертвенная преданность? Я отказываюсь от такой любви! – с этими словами Марго выбежала тогда из кабинета, громко хлопнув дверью, и не услышала слов, которые отец произнес с глубокой грустью и разочарованием, глядя ей вслед:

– Не зарекайся, дочь. Не зарекайся!

После неприятного разговора Сергей Васильевич принес

в свой кабинет, который отныне стал его убежищем, бутылку коньяка и хрустальную рюмку. И когда его мысли становились нестерпимо тяжелыми, он их облегчал рюмочкой-другой, заглушая душевную боль, которую никак не могли заглушить лекарства.

Собираясь на встречу с Федором Михайловичем, Марго точно знала, что хотела получить от этого свидания. Влюбляться в директора она и не думала, но влюбить его в себя хотела. Ей нравилось играть с мужчинами, как кошке с мышами. Но вот что она любила по-настоящему – это секс.

Марго стремилась к физическому наслаждению, и чувства здесь были неважны. Так была устроена ее физиология – без хорошего секса она не могла жить. Жаль было, что ее сексуальные партнеры не были богатыми и знаменитыми, да и любовниками были посредственными. К замужеству, как и к рождению ребенка, Марго не стремилась. Это скучно и не нужно. Свобода и никаких рамок, никаких ограничений, блистать в обществе, сводить с ума поклонников – вот была ее единственная цель. Она мечтала встретить мужчину, который смог бы сочетать в себе нужные ей качества: богатство, власть и сексуальную силу.

Распахнув створки большого шкафа, стоявшего в спальне, из которой она давно выселила отца, Марго точно знала, что наденет на встречу. Вспомнив про Коко Шанель, достала из чехла черное платье, привезенное отцом из Парижа. Из украшений выбрала заколку-брошь с натуральным жемчугом и подколола ею часть волос на макушке. Марго хотелось создать обольстительно-невинный образ, если не Маль-

вины, то Лолиты наверняка. Затем она подчеркнула верхнее веко изумрудной стрелкой, нанесла на лицо немного прозрачной пудры и на нужные точки духи. Наконец Марго открыла ту дверь в шкафу, где продолжали висеть некоторые мамины вещи, разглядывая которые, она порой грустила. Белое кашемировое пальто, чудесным образом не вышедшее из моды, пришлось как нельзя кстати. Черные лаковые сапоги на высокой шпильке, за которыми она недавно отстояла в очереди полдня, красный лакированный клатч на золотой цепочке и шелковый шарфик ему в тон завершили образ элегантной модницы.

В назначенное время Марго вышла из подъезда. В воздухе скопилась влага. Глядя на свет фонарей, освещающих двор знаменитой высотки, можно было увидеть дрожащие ниточки осеннего дождя. Черная BMW, припаркованная у подъезда и выделяющаяся на фоне других иномарок, которыми постепенно заполнялась Москва, явно дожидалась ее. Она не ошиблась. Дверь распахнулась, и Федор Михайлович уже спешил ей навстречу...

Они сидели в ресторане на Арбате, где для них был забронирован столик в уютном месте. Играла живая музыка. Загнетая реальность, празднично сверкали хрустальные люстры, насыщая пространство светом ярко выраженного благополучия. В непринужденной беседе между легкими закусками они многое узнали друг о друге. Наконец дошла очередь до горячего. Остановив свой выбор на осетрине под нежным

сливочным соусом, они с улыбкой отметили сходство вкусов. Федор Михайлович много шутил, не забывая делать элегантные комплименты своей спутнице. Весь вечер он смаковал французский коньяк, а Марго потягивала сухое шампанское, наслаждаясь его вкусом в сочетании со сладкой и сочной клубникой.

Наличие у Федора Михайловича жены и двоих детей не шокировало Марго, потому как брак она считала обременением. Повзрослев, поняла, что все мужчины одинаковы, все изменяют, не считая измену чем-то зазорным. Отца она видела скорее исключением. Всепрощающая любовь к жене сделала из него раба и превратила в тряпку. Семейные отношения казались ей парадоксом: муж верный – жена стерва, жена порядочная – муж стервятник. Ей было даже жаль замужних дам, этих наседок с их выводком, клуш, которым суждено терпеть, прощать и надеяться на любовь мужа и благодарность детей. Марго была жесткой реалисткой, поэтому к семейной жизни в любви и согласии относилась как к мифам и легендам Древней Греции. Читать про это она любила, но в сказки не верила.

Ужин в ресторане закончился благопристойно. Домой Марго вернулась в отличном настроении и с огромным букетом алых роз. Но кое-что ее смутило тогда. Федор Михайлович не сделал ни одной попытки поцеловать ее. И что совсем показалось ей странным, он даже не пытался назначить следующую встречу. Но Марго всеми фибрами души чувство-

вала, что зацепила мужчину и что он непременно снова появится в ее жизни.

Он появился через месяц...

Их первый секс произошел в номере престижной даже по московским меркам гостиницы, где много места занимала кровать, застеленная накрахмаленным белоснежным бельем, а рядом стоял столик с едой и напитками.

Вначале Федор Михайлович вел себя как истинный джентльмен – угощал, ухаживал, делал комплименты. А вскоре, такой галантный и сдержанный, поразил ее. В постели он оказался полной противоположностью созданного им образа. Резкий, грубоватый, настойчивый, он крутил ее, ставя в немыслимые позы, сопровождая каждое движение жесткими словечками, от которых смутились бы многие женщины, но только не Марго. По достоинству оценив его умение и силу, она взглянула на него тогда совсем другими глазами. Но, самое главное, одинаковое представление о сексе сблизило их. Эта встреча положила начало длительной любовной связи.

С тех пор изменилось многое в жизни обоих. Федор Михайлович стал богат и известен. С ростом его состояния, которое он сделал на добыче и продаже нефти, вовремя распрощавшись с должностью директора НИИ, росло и благосостояние Марго, ставшей его официальной любовницей. Она представлялась ему не только идеальной сексуальной партнершей, сравнимой с постоянно действующим и периодически извергающимся вулканом, но и тихой гаванью, где можно было отключиться от всех проблем и забот, расслабиться, а потом, вернувшись к привычным делам, чувствовать себя еще более сильным и непобедимым. Изменяя своей супруге с Марго, он хоть и нечасто, но изменял и самой Марго. При этом каждый раз убеждался, что другой женщины, лучше и искусней в любви, для него нет. Марго представлялась ему идеальной во всех отношениях.

Сама же Марго, оставив журналистику, занялась бизнесом. Стала хозяйкой нескольких бутиков дорогой одежды и сети салонов красоты.

Федор Михайлович ничего не жалел для своей любимой женщины, потому что она смогла дать ему нечто большее по сравнению с материальными благами – уверенность в себе, стимул и тонус. Впрочем, Марго могла бы спокойно вести праздный образ жизни, уподобившись супруге Федора Ми-

хайловича, он и так ее полностью обеспечивал. Но, учитывая ее склад ума и деятельную натуру, он сделал из любовницы настоящую акулу бизнеса, за что Марго была ему благодарна и отчасти преданна.

Федор вернулся. Хотелось снять напряжение. Сегодня надо побыть дома, а завтра непременно увидеться с Марго. Одна только мысль о темпераментной любовнице вызывала у него мгновенное возбуждение. Обычно он редко звонил ей из деловых поездок. Телефонный разговор с ней сбивал его с ритма, даже если она находилась не просто на другом конце провода, а за тысячи верст. Он ревновал. Хотя когда-то сам сказал, что не намерен лишать ее свободы, попросив лишь соблюдать определенные рамки. Полагаясь на здравомыслие Марго, Федор Михайлович не стал уточнять, до какого предела эти рамки и до какой степени следует их соблюдать.

Отдохнув после ночного перелета в своем особняке недалеко от Москвы, Федор Михайлович уединился и набрал номер Марго. Она тем временем в кабинете одного из своих салонов красоты отчитывала управляющую, придираясь к мелочам, которые никак не могли отразиться ни на прибыли, ни на статусе заведения. Марго нравилась власть, нравилось командовать и подчинять. Чаще всего ее гнев был ничем не обоснован. Иногда для большей уверенности в себе и для поднятия настроения ей было достаточно увидеть испуганные лица и слезы подчиненных. Их объяснения и защитные аргументы не учитывались, как и их мнение. Понимая, что все дорожат своим местом и приличной зарплатой, Марго

позволяла вести себя с персоналом так, как ей заблагорассудится. Она была их королевой, и спорить с этим было невозможно.

Услышав звонок на сотовый, Марго, указав управляющей кивком на дверь, немного помедлила и, убрав из голоса истеричные нотки, ответила:

– Да, милый! Ты в Москве? – голос ее был уже мягок и обволакивал нежностью. – С приездом, котик!

– Спасибо, родная моя! Как ты, детка? Твой котик соскучился по своей кошечке. Хочу тебя жутко! – он тяжело задышал, представляя их скорую встречу.

Марго, зная, как воздействует на него, продолжила:

– Мрр, и я соскучилась сильно! И когда же мой шаловливый котик попадет в лапки своей кошечки, которая уже выпускает острые коготки? – она искусно затягивала его в игру и целенаправленно не задавала лишних вопросов, оставив их его супруге, прекрасно понимая, чего хочется мужчине на самом деле. Все, что он сочтет нужным, сам расскажет при встрече и только после того, как сполна насладится ею.

Федор рассмеялся. Напряжение последних двух недель стало отступать. Деловые встречи, переговоры, подписание контрактов – все осталось позади. А сейчас на горизонте она – его королева! Только ей удастся вырвать его из рутины, сделать жизнь ярче и интересней, вопреки убеждению обывателей, что жизнь богатого человека – это постоянный

праздник с отсутствием проблем. И те же обыватели не догадываются, что быть сильным мира сего – это прежде всего изнуряющая работа, постоянный мозговой штурм и компромиссы с собственной совестью. И все это не проходит бесследно. Постепенно истощаются внутренние ресурсы, как моральные, так и физические.

Скрывая ревность, Федор Михайлович аккуратно, чтобы Марго не догадалась о терзающих его сомнениях, продолжил:

– И как себя вела в мое отсутствие моя девочка? Надеюсь, не сильно шалила?

Марго встала, подошла к двери, закрыла ее на ключ и включила кофемашину, установленную в кабинете. Сделав несколько глотков крепкого кофе, собралась с мыслями и ответила:

– Что ты, милый. Какие там шалости? Все мысли только о тебе и о тебе! Твоя девочка вся в трудах праведных аки пчелка. Вот и сейчас на работе делаю разбор полетов. Выдохнуть времени нет, – Марго почти не лукавила. Но, вспомнив о случайной встрече и сексе с молодым парнем, неожиданно возбудилась: кровь прилила к лицу, а низ живота приятно заныл. Возбужденная приятным воспоминанием, не стесняясь в выражениях, она продолжила игру. Предвкушая их сладострастную встречу, Марго решила закончить свои дела на сегодня и отправилась в специальный магазин, чтобы выбрать очередной пикантный костюмчик и новенькие игруш-

ки для сексуальных утех.

Приближался Новый год. София Михайловна, облокотившись на высокий подоконник в гостиной, пристально смотрела в окно. Уже смеркалось. Но от этого только ярче выглядело все за окном. Соня вспомнила детство: хороводы вокруг елки с Дедом Морозом и Снегурочкой, подарки в картонных коробках с шоколадными конфетами и вкусными апельсиновыми вафлями, еще вспомнился мамин подарок – стеклянный шар, показавшийся ей тогда волшебным. Шарик был маленьким, и все в нем было крошечным: сказочный домик, елка в игрушках, лесные зверушки, снеговик в красном шарфике. Стоило потрясти шарик, и пространство внутри заполнялось сверкающими снежинками. Снежинки кружились, словно кукольные балерины, и наконец оседали вниз. Она боялась, что, упав, они растают, потому вновь и вновь трясла шарик, любуясь им. В детстве Соне хотелось превратиться в Дюймовочку, проникнуть в игрушечный шар и танцевать вместе со снежинками. Вот и сейчас похожая картина за окном, только все настоящее, и она опять только со стороны любит, наблюдая за падающими снежинками, несущимися, попыхивая сизым паром, машинами, спешащими куда-то прохожими. Ей нестерпимо захотелось выбежать из теплой, уютной квартиры, в которой уже стояла наряженная живая елка, где было спокойно и уютно, но при

этом одиноко и грустно. Соне хотелось бежать туда, где все куда-то торопятся, ничего не успевая в этой предпраздничной суете, на ходу обсуждая насущные дела и планы. Ей хотелось наполнить свою жизнь эмоциями, от которых она отгородилась по собственной воле. Раньше – дома – все было иначе. На выходных собирались гости, многие приходили с детьми. Ребята шумели, играли, ссорились, мирились. Взрослые, отведав различные блюда, разделялись на компании по интересам. Несмотря на суету, всем было уютно и радостно. А здесь, в Москве, все иначе. Люди предпочитают встречаться в ресторанах, кафе, даже в банях устраивают посиделки. Конечно, и они раньше с супругом ходили в рестораны вдвоем или с компанией друзей. Но каждый выход был к чему-то приурочен и очень торжественен. А сейчас стало по-другому. Было время, когда муж на обед заезжал домой. Санечка после школы возвращался – ел, отдыхал, делал уроки, а потом уходил на тренировку или погулять. Она всегда была спокойна за него. Компании ровесников сын не любил. Предпочтение отдавал спорту и книгам или проводил время с отцом. Но она чувствовала свою необходимость им, а теперь оставалась до вечера, а иногда совсем допоздна в полном одиночестве. Ее мужчины, вернувшись домой, часто и от ужина отказывались, ссылаясь на то, что где-то уже перекусили. У них общие темы для бесед, в которых она не участвует. Тоска и одиночество! Телевизор и книги – вот единственная отдушина. Потекли слезы. Самое страш-

ное, что она не видела выхода. Не знала, как выйти и куда войти, чтобы изменить свое нынешнее положение. Хорошо, что мужа уговорила слетать на праздниках домой, в родной Калининград! Полгода не видела родителей и очень соскучилась. Хотя ее мама обещала приехать, но все откладывала поездку. А супругу не до этого. У него много работы, встреч разных, непонятных ей поездок. Нет, конечно, она в нем уверена и вовсе не подозревает ни в чем дурном. И все же... Вот и сын совсем стал взрослый и отстранился от нее. Хорошо хоть с отцом у него полное взаимопонимание.

Размышляя, Соня так увлеклась, что не услышала, как хлопнула входная дверь и вернулись ее мужчины.

– Дорогая, ты дома? Ау, Сонечка! – Дмитрий Борисович был в прекрасном настроении и сыпал шутками. – Да-а, сынок, видать, мы с тобой где-то проштрафились. Неспроста нас мама не встречает. Радость наша, если что, ты уж прости нас, непутевых. Готовы понести наказание. А лучше помилуй!

– Насчет помилования я еще подумаю! – Соня, оторвавшись от окна и своих мыслей, вышла навстречу мужчинам, по очереди поцеловала их и с удовольствием подхватила игру. – Да путевые вы, путевые! Только холодные и, надеюсь, голодные.

– И еще какие голодные, да, Сань? – Дмитрий Борисович подмигнул сыну, чтобы тот и не думал опровергать. Он видел, как радуется жена, когда они едят с аппетитом, расхва-

ливая ее кулинарные способности.

Настроение Сони сразу улучшилось, все грустные, холодные, как лед, мысли были растоплены шутками и смехом. Она всегда удивлялась способности мужа одним только словом или взглядом изменить ее настроение. Он, словно художник, брал в руки кисть и своим воодушевлением, со свойственным ему задором наносил на мрачную палитру ее настроения яркие, жизнеутверждающие краски. Это была полная эмоциональная зависимость от настроения мужа и сына. Но больше все-таки супруг влиял на ее мироощущение.

– Мойте руки, мальчики, и ужинать, – Соня, едва не подпрыгивая от счастья, поспешила на кухню.

Вскоре все уселись за стол. На ужин были запеченная рыба, жареная картошка, которую обожали мужчины, салат из морепродуктов и хлеб, выпеченный в новенькой хлебопечке. София Михайловна сама настояла на таком новогоднем подарке ей.

Духи, украшения, другие милые и необходимые любой женщине приятности ей казались не просто безделушками, а выброшенными на ветер деньгами. Что-то в дом для красоты, уюта, удобства и пользы – это было много приятней и важней для нее. Хотя муж явно был не согласен с этим.

– Сонечка, а достань-ка мне коньячку! Я бы с удовольствием выпил за окончание года и всех важных дел. Все. Теперь отдыхаем и ни о чем, кроме отдыха, не думаем, – Дмит-

рий Борисович, громко хлопнув в ладоши, с удовольствием и призывно посмотрел на супругу. Но, вспомнив о сюрпризе, поднялся из-за стола и поспешил в прихожую. Быстро вернувшись, со счастливой и загадочной улыбкой торжественно произнес:

– Вот. Это, я думаю, тебе понравится не меньше, чем твоя хлебопечка! – он положил на стол три театральных билета. – Завтра идем в Большой! Все вместе! Как говорится, семейный праздничный выход в свет. Ну что? Порадовал?

– Боже! Это же прелестно! Санечка, вот так папка, даже не сказал нам, – у Сони от избытка эмоций набежали слезы, и в тот же момент она озадачилась вопросом: – Ну а как же наши пельмени? – Беспокойство вынудило проверить, не развалился ли ее тугой пучок. – Не хочу нарушать традицию. Когда же я буду их лепить? Тем более, первого мы улетаем, и Санечка останется один. С домашними пельменями точно голодным не остался бы.

– Ну, во-первых, Санечка твой уже не ребенок. Разберется. С деньгами только дурак голодным останется. А во-вторых, завтра мы только вечером идем в театр. Так что все успеешь. А чтобы не устала наша хозяйюшка, поможем. Да, Санек? – отец посмотрел на сына не терпящим возражений взглядом.

– Да, конечно, поможем, – ответил Саня, хитро улыбнувшись, – лишь бы не навредить. Только, пап, вряд ли нам с тобой что-то доверят. Все, что связано с готовкой, для мамы

свято. Я думаю, после нашей помощи мы будем с позором изгнаны из маминого эдема, то есть с кухни.

Все рассмеялись.

– А давайте, мои родные, я вам бутылочку вина откупорю. Завтра последний день уходящего года. Пора начинать праздновать! – Дмитрий Борисович направился к винному шкафу, где хранилась коллекция дорогих вин, в основном подаренных благодарными клиентами в качестве презента к основному гонорару.

Когда бокалы были наполнены, глава семейства произнес тост:

– Ну что? За успешное окончание основных дел в этом году! За тебя, сын! Чтоб успешно сдал первую сессию! Надеюсь, ты справишься со всем отлично, голова-то у тебя светлая, почти как у меня, – широко улыбаясь, Дмитрий перевел взгляд на супругу и продолжил: – За тебя, дорогая! Ведь ты наш ангел-хранитель. Короче, за вас, мои родненькие!

За ужином, чтоб родные не заскучали, Дмитрий Борисович рассказал об одном курьезном случае, недавно происшедшем на работе. Одна пожилая женщина пришла в его контору по рекомендации своего старинного друга. Была одета небрежно, и, судя по внешнему виду, ей чуть не было отказано во встрече с адвокатом. Девушка в приемной нахамила бабуле. А та оказалась вдовой известного художника. У нее хранились неизвестные картины ее выдающегося мужа. Родственники хотели растерзать эту коллекцию и забрать

все себе. Но вдова была сильно обижена на них за невнимание и пренебрежительное отношение, поэтому хотела составить завещание не в их пользу.

Закончив рассказ, Дмитрий Борисович помолчал немного и добавил:

– Вот что значит встречать по одежке. Хорошо, что я подроспел вовремя, а то непонятно, чем бы все закончилось. Никогда нельзя делать поспешные выводы. Человек как книга: иногда под потрепанной, старой обложкой скрывается шедевр, и надо потрудиться открыть его, чтобы убедиться, так ли это. Слушай, сын! Это тебя непосредственно касается, тем более в нашей работе: юристов полно, а вот хороших адвокатов не так много. А в принципе, ты уже можешь потихоньку осваивать азы профессии. Нагружать сильно не буду. Так что, как говорится, велкам!

– Бать, а как ты поступил с секретаршей? Выговор? – с интересом спросил Саня.

– Я ее уволил, – прозвучал категоричный ответ.

София Михайловна, казалось, с полным вниманием и восхищением слушала рассказ мужа, видно, поэтому ее вопрос прозвучал совсем неожиданно:

– Сыночек, как же ты один останешься? Да еще на целую неделю! Что-то у меня на душе неспокойно, – в ее голосе слышалась неподдельная тревога.

– Соня! Прекрати! Сашка взрослый парень. Разберется со всем сам. Пора уже проявлять ему свою самостоятель-

ность во всех вопросах, – твердо заявил Дмитрий Борисович.

Сын с благодарностью посмотрел на отца.

– У Санечки твоего борода уже растет, а ты с ним все сюсюкаешься, – уже мягче добавил мужчина.

Саня произвольно взялся за свой подбородок, словно на деле решил убедиться в словах отца. Убедился. К вечеру уже не было идеальной гладкости после утреннего бритья. И для наглядности он взял мамину руку и провел ее ладонью по своей колючей щетине.

– О боже! Какой кошмар! – обреченно произнесла София Михайловна, закрыла глаза и затаила дыхание, словно готовясь уйти в мир иной. Ведь обычно эти слова означали у нее «конец всему живому на земле». И здесь не было нужды контролировать пучок и вытаскивать из него шпильки, тут же возвращая их на место. До этого ли.

Отец и сын, так и не поняв, в чем заключается кошмар и почему мать так сильно переживает, встретившись взглядами, не смогли удержаться от смеха. Соня внимательно посмотрела на своих хохочущих и так похожих друг на друга мужчин, неожиданно рассмеялась сама. Рука тотчас потянулась к пучку, но остановилась на полпути, что означало «конец света отменяется, но я все равно нервничаю».

Когда семейный ужин подошел к концу и время шло к ночи, Соня трепетно стала ждать близости с мужем, считая его не только самым лучшим мужчиной на земле, но и самым страстным, при этом очень нежным любовником. Хотя ей

и сравнивать-то было не с кем. Да и мысли об этом она никогда не допускала. Супруг был ее вселенной.

Наконец-то свобода! За всю свою жизнь Александр впервые должен был остаться один дома. Ему предстояла целая неделя без опеки, контроля и отчетов перед родителями. Настроение было настолько хорошим, что два дня до отъезда родителей он вел себя безукоризненно: мыл посуду, читал газеты, играл с отцом в шахматы и был чрезвычайно внимателен к маме.

Тридцать первого декабря Саша принял участие в священной для их семьи традиции и с утра уже был на кухне. Ему доверили сделать фарш для пельменей. Все его действия проходили под неусыпным контролем главнокомандующего, роль которого неизменно выполняла мама. Отцу было поручено тесто, которое нужно было тонко раскатать, что нелегко давалось новоиспеченному повару. Раскатанный пласт то оставался слишком толстым, то вдруг неожиданно рвался. Дмитрий злился, Соня его успокаивала и подбадривала. Глядя на отца в фартуке и всего испачканного в муке, Саша безобидно шутил.

– Ну и поварята, – посмеивалась над ними Соня, – помощнички мои! Ничего, ничего. Тяжело в учении, легко в бою. Я бы, конечно, одна быстрее справилась, но мне очень приятно ваше участие. В конце концов, важен результат. А он уже на лице! – она с любовью посмотрела на мужа, что-то

ворчащего себе под нос, и разразилась хохотом.

Смех был настолько заразительным, что Саня не удержался и тоже начал хохотать. Дмитрий Борисович пристально посмотрел на жену и сына, отложил скалку, развязал фартук и сказал:

– Да ну вас! – и, улыбнувшись, процитировал: – Беда, коль пироги начнет печь сапожник, а сапоги тачать пирожник. Так-то.

Перед тем как отправиться в театр, Соня ненадолго уединилась в спальне. Когда она вышла и предстала перед глазами своих мужчин, те непроизвольно ахнули. Они увидели перед собой не вечно хлопчущую домохозяйку в скромной и удобной одежде, а настоящую леди. В синем облегающем бархатном платье и предварительно накрученными на бигуди волосами, уложенными на одну сторону, Соня выглядела потрясающе. Черты ее лица, чуть тронутого косметикой, казались совершенными. В ушах сверкали бриллианты. В этом облике Соня была похожа на куколку – нежную, трогательную, очень красивую, которую хотелось постоянно носить на руках. Что, впрочем, и сделал супруг. Он схватил жену на руки и со словами: «Как же ты прекрасна, солнышко мое!» – закружил, не обращая внимания на ее слабый протест. У него выиграло желание, захотелось близости с ней, но усилием воли он подавил в себе возбуждение, мысленно отложив его до ночи.

Вернувшись домой за два часа до наступления Нового го-

да, вместе они накрыли стол в гостиной, на ходу обсуждая поход в Большой театр – саму постановку, декорации, публику, мороз, огромную елку на площади. Под бой курантов выпив шампанского, они еще какое-то время посидели за столом и наконец разошлись по комнатам. День был настолько насыщен, а вечер великолепен, что никто не хотел засиживаться.

Этой ночью все засыпали с ощущением абсолютного счастья. Соня была рада, что опять в семье воцарилась атмосфера полной гармонии. А близость с мужем в эту ночь была какой-то новой, немного стыдной, но невероятно приятной. Александр торжествовал, предвкушая свободу. А Дмитрий был несказанно доволен тем, что в Москве у него все удачно сложилось с работой, что и здесь он может обеспечить своим родным достойную жизнь.

На следующий день, как только закрылась дверь за родителями, победно вскрикнув «Yes!», почувствовав себя полноправным хозяином собственной жизни, Саня завалился на диван в гостиной и включил телевизор. Переключая каналы, задержался на старой комедии о приключениях Шурика. Вдоволь насмеявшись, он поймал себя на мысли, что как-то не так пользуется своей свободой, и взял в руки мобильный телефон.

Они встречались уже три месяца. Жанна была самой эффектной девушкой на факультете. Высокая, стройная, длинноногая – с такими параметрами она бы легко могла участвовать в конкурсах красоты или сделать отличную карьеру в модельном бизнесе. Ее густые темные, отливающие синевой, волосы доходили до пояса. Обладательница смуглой кожи, девушка походила на восточную красавицу. Точеные черты лица, большие карие глаза с поволокой, мимика, манеры – все приковывало к ней восхищенные взгляды. Ею хотелось любоваться. Как только начались занятия, Саня сразу обратил на нее внимание и оценил по достоинству, как, впрочем, и остальные сокурсники. Но если все стали быстро добиваться ее расположения, то он не выказывал ей никаких знаков внимания. Гордость не позволяла ему сделать первый шаг. Возможно, из-за этого она сама шагнула ему навстречу, тем самым выбрав именно его. Впрочем, все соискатели на внимание красавицы по внешним данным явно проигрывали ему. А Санина отстраненная, почти безразличная манера особенно притягивала к нему женское внимание. К тому же и выглядел он взрослее и серьезнее своих однокурсников.

Их встречи были достаточно безобидными, а отношения походили больше на приятельские, но при этом оба чувство-

вали влечение, которое выходит за рамки обычной дружбы. Они ходили в кино и кафе, забегали на выставки, гуляли, держась за руки, целовались и обнимались. Целуя Жанну, Саня возбуждался. И опять не понимал себя. Ведь она ему нравилась! Но по-настоящему, без всяких раздумий, он хотел одну-единственную женщину – королеву. Королеву Марго.

Из-за ощущения свободы, а может, и нестерпимого сексуального желания он решил, что сама ситуация благоволит перевести их отношения в более близкие. Ведь только так ему удастся окончательно вычеркнуть ту роковую встречу и не менее роковую женщину из своих мыслей.

Без лишних раздумий Саша набрал номер Жанны. Достаточно быстро он услышал знакомый голос и сдержанное «алло».

– Ну привет! – голос его звучал спокойно и лениво. – С Новым годом!

– Привет! С Новым годом! А я как раз о тебе думала. Ты прямо телепат, Алекс, – она, словно предчувствуя его намерения, занервничала, и ее голос дрогнул.

Странное дело, каждый раз, когда Жанна, наравне с другими ребятами, называла его Алексом, он непроизвольно вспоминал другую женщину – и голос ее, и запах, и внезапно вспыхнувшую обоюдную страсть. Мысленно распрощавшись с привычным «Саня», он снисходительно оставил его родителям в домашнее пользование.

– Как ты смотришь на то, чтобы приехать ко мне? – задал Алекс прямой вопрос.

– Положительно. А ты что, решил меня с родителями познакомиться? – кокетливо спросила девушка.

– Об этом мы поговорим позже, – увильнул он от ответа. – Ну так как? Есть желание увидеться?

– Ну а почему бы и нет, – стараясь подражать его манере общения, сдержанно ответила Жанна. – Диктуй адрес, – добавила она без лишних церемоний.

– Я сам заеду за тобой через часик, – уже мягче и более заинтересованно подытожил Алекс. – Собирайся пока. Буду ждать тебя внизу в машине. Ок?

– Ого! – у нее непроизвольно вырвался возглас приятного удивления. – Ты на такси? – все же решила уточнить она.

– Слишком много вопросов задаете, девушка! А время уже пошло, – интригующим тоном произнес он и отключился.

Алекс собрался быстро. Пробежался по дому, проверив, все ли в порядке. Забежав на кухню, поставил бутылку шампанского в холодильник, помыл тарелку, задержавшуюся в раковине, и, прихватив ключи от отцовской машины, отправился за Жанной.

Погода была изумительной: мороз, безветрие, сверкающий снег, слепящий глаза. Было тихо и безлюдно, на снегу валялись оборванные гирлянды, конфетти, напоминавшие о ночных гуляниях. Настроение стало еще лучше, а желание

сегодня же овладеть девушкой – сильнее. Пока машина прогревалась, Алекс щеткой очистил ее от снежной шапки и, сев за руль, осторожно тронулся с места. Он с нетерпением ждал собственного автомобиля, но пока, получив права, ездил на машине отца по доверенности.

По пути Алекс заехал в дежурную круглосуточную аптеку. Внутри никого не было. Он подошел к окошку выдачи лекарств. Из-за перегородки моментально появилась девушка-провизор и приветливо спросила:

– Что желаете, молодой человек?

Ее кокетливая улыбка, как и сам предмет его покупки, на долю секунды смутили его. Внутренне собравшись, он четко и внятно произнес:

– Презервативы. Будьте добры.

Обратив внимание на обозначенное им количество, девушка с интересом посмотрела на приятного покупателя. Мысли ее были неоднозначными.

Уходя, Алекс все же решил и на ней испытать свое обаяние:

– С Новым годом вас! И, как говорится, с новым счастьем!

– Ой, спасибо большое! И вас! И вам! – покраснев, искренне ответила девушка и добавила на прощание: – Заходите к нам почаще.

Приглашение провизора показалось ему смешным. Он мысленно переиначил ее слова: «У нас самые качественные презервативы! Всегда в наличии свежий товар». Девуш-

ка, словно прочитав его мысли, усилием сдерживая приступ смеха, широко улыбнулась, вызвав ответную улыбку у своего единственного с утра покупателя.

В этом прекрасном настроении Алекс продолжил свой путь.

Жанна ждала у подъезда. Она еще ни разу не опаздывала. Пока ехали, он ни словом не обмолвился о том, что они в его доме будут совершенно одни. Держал интригу.

Войдя в квартиру, он как истинный джентльмен помог госте раздеться. Убрал ее песцовый полушубок в шкаф, выдал новенькие гостевые тапочки. И только тогда, когда резко привлек Жанну к себе и жадно поцеловал в губы, она поняла, что в квартире они одни. Это было для нее приятным сюрпризом, но никак не разочарованием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.